

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

**ЯЗЫК НАУКИ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

**LANGUAGE OF SCIENCE
AND PROFESSIONAL COMMUNICATION**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020 № 1 (2)

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Основан в 2020 году
Выходит два раза в год

Индекс подписки в каталоге
Агентства «Роспечать»: 88740

Цена для подписчиков 330 рублей,
в розничной продаже – свободная

ISSN 2658-5138

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуни-
каций (свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-77983 от 27 марта 2020 г.)

Сайт журнала:
<http://xn--80af5bzc.xn--p1ai/ru/yazyknauki>

© ФГБОУ ВО «Саратовская государствен-
ная юридическая академия»

Редакционная коллегия :***Главный редактор :***

доктор филологических наук, профессор *А. А. Зарайский* (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора :

доктор филологических наук, доцент *Е. Ю. Балашова* (Саратов, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент *Е. Г. Вьюшкина* (Саратов, Россия)

Выпускающий редактор (русский язык) :

доктор филологических наук, профессор *Е. А. Елина* (Саратов, Россия)

Выпускающий редактор (английский язык) :

доктор юриспруденции, магистр прикладной лингвистики *Дандон Т.* (Нью Йорк, США)

Ответственный секретарь:

кандидат филологических наук, доцент *К. В. Данилов* (Саратов, Россия)

Члены международной редакционной коллегии:

доктор филологических наук, доцент *О. Ю. Авдеевна* (Саратов, Россия)

PhD, доцент *С. Билова* (Брно, Чешская Республика)

доктор филологических наук, профессор *Т. А. Гордеева* (Пенза, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент *И. Ю. Ессина* (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, профессор *В. П. Жуковский* (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор *Т. А. Ивушкина* (Москва, Россия)

доктор филологических наук, доцент *С. В. Кекова* (Саратов, Россия)

PhD, MA, лектор *А. Лучак* (Варшава, Польша)

доктор педагогических наук *В. Мажейкене* (Вильнюс, Литва)

доктор филологических наук, профессор *Нямжав Нансалмаа* (Улан-Батор, Монголия)

доктор филологических наук, профессор *Г. Найак* (Дели, Индия)

доктор филологических наук, профессор *З. Л. Новоженова* (Гданьск, Польша)

доктор филологических наук, доцент *Л. П. Прокофьева* (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, доцент *С. А. Рисинзон* (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор *О. С. Родионова* (Саратов, Россия)

PhD (ELT), доцент *И. Тосункуоглу* (Карабюк, Турция)

доктор филологических наук, профессор *С. П. Хижняк* (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, доцент *К. Г. Чикнаверова* (Москва, Россия)

Editorial Board :***Editor-in-Chief***

Dr. habil., Prof. A. A. Zarayskiy (Saratov, Russia)

Deputies Editor-in-Chief

Dr. habil., Associate Prof. E. Yu. Balashova (Saratov, Russia)

Ph.D., Associate Prof. E. Yu. Vyushkina (Saratov, Russia)

Editor for the Russian Language

Dr. habil., Prof. E. A. Elina (Saratov, Russia)

Editor for the English Language

J.D., MA in Applied Linguistics T. Dundon (New York, USA)

Executive Secretary

Ph.D., Associate Prof. K. V. Danilov (Saratov, Russia)

Members of the International Editorial Board :

Dr. habil., Associate Prof. O. Yu. Avdevnina (Saratov, Russia)

PhD, Assistant Prof. S. Bilová (Brno, Czech Republic)

Dr. habil., Prof. T. A. Gordeyeva (Penza, Russia)

PhD, Associate Prof. I. Yu. Essina (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. V. P. Zhukovsky (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. T. A. Ivushkina (Moscow, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. S. V. Kekova (Saratov, Russia)

PhD A. Łuczak (Warsaw, Poland)

Dr. of Education V. Mažeikienė (Vilnius, Lithuania)

Dr., Prof. Niamzhav Nansalma (Ulaanbaatar, Mongolia)

DPhil, Prof. G. Nayak (Delhi, India)

Dr. habil., Prof. Z. L. Novozhenova (Gdansk, Poland)

Dr. habil., Associate Prof. L. P. Prokofieva (Saratov, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. S. A. Risinzon (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. O. S. Rodionova (Saratov, Russia)

PhD (ELT), Associate Professor İ. Tosuncuoğlu (Karabük, Turkey)

Dr. habil., Prof. S. P. Khizhnyak (Saratov, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. Chiknaverova K. G. (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Иванова Т. В., Никитина О. В.</i> Юридическое консультирование: коммуникативные риски.....	5
<i>Авдеевнина О. Ю.</i> Перцептивные значения в социальной сфере: от действия к деятельности.....	18
<i>Yelina E. A.</i> Typological peculiarities of the “naïve” perception of paintings in the experiment.....	34
<i>Катермина В. В.</i> «СВОЙ» и «ЧУЖОЙ» как отражение русского и английского национального характера.....	43
<i>Вяслева Р. Р., Короткова М. Д., Макшанцева Е. А.</i> Специфика перевода правовых документов.....	58
<i>Варшамова Н.Л., Данилов К.В., Яшина Е.В.</i> Англоязычные эвфемизмы военной сферы.....	73
<i>Дубровина И. И., Саковец С. А.</i> Метафора в юридическом дискурсе: приемы перевода.....	84

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Kiryushkina T. V., Denisov V. N.</i> The role of communicative pedagogical system in teaching foreign languages in a post-secondary school.....	94
<i>Tosuncuoğlu I., Ignatkina A.</i> The reality of bilingualism.....	108
О журнале.....	119

*ЛИНГВИСТИКА (LINGUISTICS)**УДК 81'33**ББК 81.1***ЮРИДИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ:
КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ**

Т.В. Иванова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Саратовская государственная юридическая академия, tania.iwanova@mail.ru

О.В. Никитина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Саратовская государственная юридическая академия, wetlinaow@mail.ru

Аннотация. Речевая коммуникация юристов предполагает совместную деятельность, в ходе которой информация не только передается, но и воспринимается, уточняется, анализируется, оценивается. В связи с этим основное внимание в юридической консультации должно быть уделено правилам организации профессионального общения, содержанию и языковому оформлению речи, речевым приемам взаимодействия с клиентами. Цель статьи: исследование причин появления коммуникативных рисков в жанре юридической консультации в различных ее видах: устной (обращение в соответствующее учреждение, юридическую клинику) и письменной (вопрос и ответ в правовом журнале), непосредственной (личное общение адресанта и адресата речи) и опосредованной (общение юриста и клиента через сеть Интернет, т. е. онлайн-консультации). Методологическая основа исследования: в работе использованы общенаучные методы (анализ и синтез) и метод семантико-стилистического анализа. Результаты: выявлены основные причины появления коммуникативных рисков в юридической консультации, сформулированы рекомендации, способствующие их преодолению. Выводы: преодоление возможных коммуникативных рис-

ков в юридической консультации способствует достижению поставленных коммуникативных задач и становится залогом формирования компетентной языковой личности.

Ключевые слова: юридический дискурс, юридическое консультирование, профессиональная компетенция юриста, речевые приемы, языковые средства.

LEGAL ADVICE: COMMUNICATION RISKS

Tatyana V. Ivanova, ORCID: 0000-0002-2997-9983, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, tania.iwanova@mail.ru

Olga V. Nikitina, ORCID: 0000-0003-1577-3711, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, wetlinaow@mail.ru

Abstract. Speech communication of lawyers presupposes cooperative activity, in the course of which information is not only transferred, but also perceived, specified, analyzed and evaluated. Thus, the priority in the process of legal consultation should be given to the rules of organizing of professional communication, to the content and speech, and to language techniques of interacting with clients. The purpose of the article is to analyze various causes of communicative risks in legal consulting in oral (rendering assistance in a legal office, or a legal clinic), written, direct (personal communication of an addressor and an addressee), and indirect communication (that of a lawyer and a client through the Internet (online consultation)). The authors use general research methods (analysis and synthesis), the methods of semantic and stylistic analysis of speech. Main causes of communicative risks in the course of legal consultation are revealed, recommendations about their overcoming are formulated. Skills in overcoming of possible communicative risks in the process of giving legal advice helps lawyers to achieve communicative tasks and become a competent linguistic personality.

Key words: legal discourse, legal consulting, professional competence of a lawyer, language techniques, language means.

Введение

Относительно малоизученным элементом юридического дискурса является консультация по правовым вопросам. Этот феномен правовой коммуникации еще не получил достаточно полного освещения в научных исследованиях. В юридической литературе он определяется как «процесс взаимодействия юриста и клиента по поводу жизненной проблемы с целью выявления

возможных правовых вариантов ее решения и их последствий, уяснения путей и способов реализации выбранного варианта» [1: 181]. Лингвисты подходят к осмыслению этого речевого действия с позиций жанроведения. Е. Г. Гимпельсон относит консультацию к жанрам юридической риторики и определяет ее как «деловую беседу, в ходе которой специалист оказывает клиенту юридическую помощь, информируя о целесообразном решении его проблемы в соответствии с существующими правовыми нормами» [2: 64].

Представляется не менее актуальным практико-ориентированный подход, предложенный Л.А. Введенской и Л.Г. Павловой, которые выделяют основные этапы консультирования: выслушивание проблемы клиента, уточнение обстоятельств дела, дача разъяснений, советов и рекомендуют использовать приемы для создания доверительной обстановки и нейтрализации психологических барьеров опасений, настороженности, недоверия, враждебности [3: 197-200].

В соответствии с обозначенными подходами консультацию можно определить как процесс речевого взаимодействия коммуникантов, предполагающий диалоговую форму общения, всегда учитывающий характер адресата речи (возрастные, социальные, культурные, поведенческие, речевые и этикетные параметры), степень подготовленности обоих участников к освоению сложной речевой ситуации.

Несмотря на то что можно говорить о разных видах юридической консультации: устной (обращение в соответствующее учреждение, юридическую клинику) и письменной (вопрос и ответ в правовом журнале); непосредственной (личное общение адресанта и адресата речи) и опосредованной (общение юриста и клиента через сеть Интернет, т. е. онлайн-консультации), их объединяют коммуникативные интенции говорящих и пишущих.

Цель адресата речи (клиента), обратившегося за помощью, – получить исчерпывающую информацию на понятном и доступном языковой личности уровне. Цель адресанта (юриста) заключается не только в необходимости проанализировать дело, изложить его результаты, самостоятельно разобрать

правовые нормы, грамотно составить текст юридического документа, но и организовать эффективную беседу, исключая коммуникативные риски.

Под коммуникативным риском лингвисты понимают «возможность наступления опасности, неудачи в процессе или в результате коммуникации» [4: 116]. В последнее время в научной литературе большое внимание уделяется проблемам рискогенности речевой коммуникации: обозначаются типы коммуникативных рисков, причины их возникновения и способы преодоления в различных сферах деятельности, предлагаются способы преодоления коммуникативных рисков [5], анализируются риски неправильного понимания заимствований [6], риски применения демагогических приемов в политическом дискурсе [7], риски в речи руководителей [8] и т. д.

Риски в юридической консультации могут быть обусловлены недостаточной коммуникативной компетентностью обоих участников общения. Предметом настоящей статьи являются коммуникативные риски, возникающие по вине юриста. Коммуникативные риски в жанре юридической консультации можно разделить на организационные и собственно коммуникативные. Организационные риски касаются неверно выбранного порядка взаимодействия (нарушения оптимальной последовательности диалога); собственно коммуникативные риски обусловлены недостаточной способностью адресанта речи учитывать семантико-прагматические условия общения. К ним относятся риски неоднозначного понимания проблемы юристом и клиентом; смысловые риски; риски, связанные с характером вопросов; этические риски. Охарактеризуем указанные виды рисков подробнее и рассмотрим причины их появления.

Организационные риски в юридической консультации

Юрист не может правильно выстроить ход беседы с клиентом, игнорирует некоторые ее этапы. Эти риски можно назвать **организационными**. Традиционно при определении деятельности юристов по консультированию в устной форме выделяют такие этапы, как «выслушивание проблемы клиента, уточнение обстоятельств дела, дача советов, рекомендаций» [3: 197-198]. К сожалению, обозначенные этапы дают лишь самое общее представ-

ление о собеседовании (слушаем, спрашиваем, решаем), но не детальное. Немаловажные дополнения на этот счет обозначены в практическом пособии «Профессиональные навыки юриста: опыт практического обучения». Его авторы (Л.А. Воскобитова, А.Б. Гутников и др.) после проведения этапа «прогнозирование» считают необходимым включение этапа «встреча с клиентом и разъяснение порядка проведения консультации» [1: 190]. Эта часть консультации помогает настроить клиента на общение и предотвратить возможное непонимание с его стороны. Юрист объясняет клиенту, что консультация представляет собой организованную беседу, ограниченную во времени, обозначает характер услуги (платная / бесплатная) и т. д. Организационный этап позволяет не допустить фраз клиента типа: *Почему Вы не даете мне сказать / Почему я Вам должен платить такую сумму / Вы не сказали мне об этом раньше* / и исключить риск появления конфликтной стратегии речевого поведения участников в продолжении консультации.

К организационным рискам можно отнести и игнорирование такого этапа беседы, как «резюмирование», в рамках которого предполагается «краткое повторение или перефразирование того, что сказал клиент о своей проблеме и целях, чтобы убедиться в точности воспринятой информации» [9: 141]. Напомним, что в ходе опроса клиента юрист выясняет и систематизирует информацию, полученную от него. Для завершения подобной беседы используется «техника обобщения», предполагающая хронологический пересказ юристом основных этапов проблемы с выделением и уточнением юридически значимых фактов. Достижению поставленной цели способствует грамотное планирование речевой деятельности: первоначально выделяется событие, которое можно считать ключевым в существующей проблеме (приобретение жилья, вступление в брак и др.), затем выстраивается хронология фактов, имеющих правовое значение (вступление в брак, рождение ребенка, развод и др.), и уточняется требование клиента, т. е. вопрос, в отношении которого клиент обратился к юристу (определить порядок общения с ребенком после развода и др.).

Отсутствие описанного этапа беседы приводит к коммуникативной неудаче. Юрист не получает возможности проанализировать полученную от

клиента информацию, удостовериться, что он правильно понял суть проблемы, а следовательно, возникает опасность неправильного истолкования исходной ситуации и неверного ее решения. Клиент в этом случае не сможет услышать свой рассказ со стороны и выяснить, не пропущены ли важные сведения. При этом не следует забывать основное требование к этапу «резюмирование»: изложение информации должно быть в языковом отношении ясным и доступным для собеседника, следует выделять ключевые моменты и подбирать для этого лаконичные формулировки.

Собственно коммуникативные риски в юридической консультации

Собственно коммуникативные риски порождаются неодинаковой способностью юриста и клиента излагать, понимать и оценивать предложенную информацию. Среди них можно выделить следующие:

1. *Риск неоднозначного понимания проблемы юристом и клиентом* связан с несовпадением апперцепционных баз участников диалога. Юрист опирается на свой жизненный или профессиональный опыт, ему кажется, что и клиенту без дополнительных усилий все понятно в решении обсуждаемого вопроса, а клиент в силу своего представления о правовых основах проблемы, юридической неподготовленности не знает, как излагать ситуацию и на какие детали обратить внимание.

Нередко возникает непреодолимое различие в изложении проблемы, а юрист не всегда учитывает возможности собеседника в восприятии и передаче информации, из-за чего не может быть адекватного обсуждения. Так, например, при консультировании многословного клиента (собеседника, который излагает большое количество ненужной информации, но не может выделить юридически значимые факты) юрист не направляет беседу, позволяет отклоняться от темы консультации и, как следствие, неэффективно распределяет время общения. Для организации продуктивного взаимодействия рекомендуем применить речевой прием «подхват реплики»: *Так Вы говорите, что у Вас есть два сына, именно поэтому Вы хотите заранее распорядиться имуществом?* Использование предложенной техники позволяет корректно останавливать собеседника и направлять диалог в нужное русло. Однако можно обозначить и противополож-

ное отношение собеседника к восприятию и передаче информации. Речь идет о клиентах, которые не могут полно и однозначно описать свою проблему. И в том и другом случае юристу необходимо планировать речевую деятельность, уточнять информацию у собеседника, переходить от монолога клиента к активному диалогу.

Пример 1. *Клиент: Добрый день. Подскажите, может ли сделка, совершенная с юристом, давно прекратившим свою деятельность, быть признана недействительной? Если да, то по каким основаниям?*¹

Юрист: 1) Насколько давно? 2) Какая сделка? 3) Прекратило деятельность в порядке реорганизации, ликвидации, банкротства? 4) Сколько прошло времени с того момента?

Пример 2. *Клиент: Здравствуйте! Мне 18 лет, и я хочу подать заявление и получить отдельную квартиру. Имею ли я на это право? И что я должна сделать для этого? Заранее спасибо!*

Юрист: Здравствуйте. Вы не указали, на каких основаниях вы хотите получить квартиру, по какой конкретно социальной программе.

Возникают сложности при консультировании клиентов, не соглашающихся ни с какими доводами юриста. В этом случае эффективным оказывается речевой прием «да, но...». Частично соглашаясь с мнением клиента, юрист предлагает для рассмотрения имеющиеся варианты решения проблемы и настаивает на их обсуждении.

2. Причиной появления **смысловых рисков** в консультировании можно считать различия культурно-образовательного уровня собеседников. Про таких коммуникантов говорят, что они общаются «на разных языках». Зачастую юристы прибегают к формулировкам, буквально воспроизведенным из текстов документов (закона, гражданско-процессуального или семейного ко-

¹ Здесь и далее использованы материалы онлайн-консультаций с сайтов: Юриспруденция. Знать право. Служить праву. Защищать право. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/yurisprudencia>; Юридическая компания «ВАШЕ ПРАВО». Вопрос-ответ. [Электронный ресурс]. URL: <http://73vashepravo.ru/question-answer>; 100 юристов. Юридические консультации онлайн. URL: <https://100yuristov.com/q/31521/>. В примерах сохраняются орфография, пунктуация и стиль исходного текста.

дексов), в то время как при разъяснении необходимо не просто сделать отсылки к нормативным документам, но и указать причины появления и возможные последствия несоблюдения законодательных предписаний в обозначенной проблеме, так как клиент сам может не понять цель данного положения в законе.

Пример 1. *Клиент: Может ли банк самостоятельно, без ФССП, удерживать 50% с зарплатной карточки за неоплаченный кредит? Судебное решение о взыскании было. Банк ссылается на ст.70 ФЗ 229.*

Юрист: Здравствуйте. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с изменениями и дополнениями) Статья 99. Размер удержания из заработной платы и иных доходов должника и порядок его исчисления См. Энциклопедии и другие комментарии к статье 99 настоящего Федерального закона «О размере удержаний из заработной платы и иных доходов должника», см. также Трудовой кодекс РФ и Семейный кодекс РФ ... («и далее по полному тексту Закона»).

Пример 2. *Иски о расторжении брака могут предъявляться в суд по месту жительства истца в случаях, если при нем находится несовершеннолетний или по состоянию здоровья выезд истца к месту жительства ответчика представляется для него затруднительным.*

В первом случае ответ юриста сложно назвать разъяснением, консультацией, поскольку он содержит лишь ссылки на нормативные документы, не включает никакой дополнительной оценки ситуации, не предполагает диалога. Во втором примере ситуация характеризуется, однако нагромождение официальных конструкций плохо воспринимаются клиентом, они должны быть упрощены и доведены до собеседника (разъяснены). Например: *Вы как истец можете обратиться с иском в суд по своему месту жительства, потому что несовершеннолетний ребенок проживает с Вами или Вы как истец можете обратиться с иском в суд по своему месту жительства, поскольку у Вас инвалидность и Вам трудно выезжать каждый раз по месту проживания К. (то есть Вашего ответчика).*

Для того чтобы правильно и доходчиво донести свою информацию до клиента, подстроиться под него, юристу необходимо использовать несложные общеупотребительные термины (*займы, жилые помещения, ущерб, доля*), разъяснять специальные терминологические сочетания (*исковая давность, гражданско-правовая ответственность, залоговое обязательство* и т. д.), избегать многословных предложений, трудно воспринимаемых не специалистами-юристами.

Например, предложение: *Согласно пункту 10 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации признание в установленном Правительством Российской Федерации порядке многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции является основанием предъявления органом, принявшим решение о признании такого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, к собственникам помещений в указанном доме требования о его сносе или реконструкции в разумный срок* – уместно заменить более компактным и понятным выражением. В качестве замены можно предложить следующую конструкцию: *Если дом признан аварийным в соответствии с пунктом 10 статьи 32 Жилищного кодекса РФ, то собственники помещения должны в разумные сроки снести или реконструировать его*.

Риски могут быть связаны и с невысокой речевой культурой самого юриста. Неумение точно и правильно строить высказывание, отсутствие логики изложения, засорение речи словами, не несущими смысловой нагрузки (словами-паразитами), например, *так сказать, типа, это самое, короче, как бы* приводят к неполному восприятию смысла. Нужно обратить внимание и на частотность конструкции с начальным словом *также*: в современной речи это слово используется как дискурсивное средство логической связи: *Также данным постановлением как бы отменяется прохождение ТО для новых автомобилей* лучше заменить другой конструкцией: *Данным постановлением отменяется также прохождение ТО для новых автомобилей*. С точки зрения синтаксических норм такая конструкция является неграмотной и в устной, и в письменной речи: нарушается порядок слов и местопо-

ложение союза *также*, который в отличие от союза *а также* должен стоять после слова, поясняющего, что было сделано также.

3. Преодоление *рисков, связанных с характером вопросов*, обусловлено умением юриста выбрать уместную для определенного этапа консультации вопросительную конструкцию. В беседе с клиентом абсолютно не допустимы так называемые «наводящие» вопросы, подсказывающие ответ (*До этой встречи ведь ничего не произошло?*). Они считаются некорректными, так как предлагают нужный ответ, с которым клиенты часто легко соглашаются.

Нецелесообразно начинать консультацию с вопросов уточняющего характера: на этапе «выслушивание проблемы клиента» необходимо использовать зондирующие вопросы (*Что произошло? / Как это событие связано с Вами?*). Они настраивают на общение и дают возможность клиенту представить свое видение ситуации. В начале консультации вполне уместными оказываются информационные вопросы фактического характера: *Кем Вы работаете? / Где Вы сейчас проживаете?* На этапе выяснения характера правовых проблем уместными становятся и другие описанные в специальной литературе вопросы, например, *уточняющие* (*Что еще Вы можете добавить?*) или *зеркальные* (*переспрос*), начинающиеся со слов: *Если я Вас правильно понял, Вы утверждаете...* Такие вопросы основаны на повторении ответа собеседника и необходимы для проверки информации, уточнения деталей обсуждаемой проблемы.

Нельзя не обозначить действенность контрольных вопросов, целью которых является оценка достоверности полученных ответов. Подобные вопросы позволяют определить, насколько собеседник искренен, установить скрытую информацию. Методика контрольного вопроса основана на умении спросить об одном и том же другими словами. Например, основной вопрос: *Вы довольны, что живете вместе с родителями мужа?* и контрольный: *Хотели бы иметь отдельное жилье?*

4. *Этические риски* возникают в случае несоблюдения норм речевого этикета. В ходе беседы юрист должен избегать всего, что может затронуть самолюбие клиента и разрушить доверительность отношений. Недопусти-

мыми становятся фразы: *Ведь каждому ясно, что такая ситуация проигрышная / Почему Вы не отвечаете на мой вопрос? / Тогда сами решайте свою проблему / Я не давал Вам слова / Вы не знаете, что к юристу надо идти подготовленным? / И Вы мне об этом говорите? Неужели Вам это интересно?*

Только уважительное отношение к клиенту, правильно выбранный тон разговора, корректные формулировки могут стать залогом успешного консультирования. В некоторых случаях помогает чувство юмора, которое снимает эмоциональное напряжение и создает позитивное настроение:

Пример 1. Клиент: Как избежать развода с любимой?

Юрист: Признайтесь ей в любви.

Пример 2. Клиент: Здравствуйте! Подскажите, наш бухгалтер требует от нас (работников ИП) копии документов уже в четвертый раз. На вопрос «зачем» не отвечает. Имеем ли мы право отказать в выдаче документов?

Юрист: Я бы посоветовал Вам найти нового начальника, который не будет четыре раза терять копии Ваших документов.

Заключение

Таким образом, коммуникативные риски в юридической консультации могут быть обусловлены разными факторами: несоблюдением организационных правил данного вида общения, различиями в апперцепционных базах коммуникантов, нарушениями этических норм общения и недостаточной языковой и речевой компетентностью юриста. Преодоление коммуникативных рисков в процессе консультирования не только способствует достижению поставленных целей в консультации, но снижает социальную напряженность. Получение грамотного с юридической и коммуникативной точек зрения ответа дает возможность клиенту еще раз убедиться в справедливости закона и торжестве права. Юрист, в свою очередь, приобретает бесценный опыт управления общением.

Список литературы

1. Профессиональные навыки юриста. Опыт практического обучения / отв. ред.: Л. А. Воскобитова, Л.П. Михайлова Е.С. Шугрина. М.: Дело, 2001.
2. Гимпельсон Е.Г. Консультация в деятельности юриста // Материалы XIV международной научно-практической конференции «Риторика и культура речи: наука, обучение, практика, 1-3 февраля 2010 года / под ред. Г. Г. Глинина. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. С. 63-67.
3. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов: учебное пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2002.
4. Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Важность знаний о рисках коммуникации для успешной профессиональной деятельности журналистов // Интеграция науки и практики как механизм эффективного развития современного общества: материалы XIV международной научно-практической конференции, г. Москва, 25–26 декабря 2014 г. М.: Изд-во «Институт стратегических исследований», 2014. С. 115 -121.
5. Викторова Е.Ю., Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Коммуникативные риски, их причины, способы предупреждения и преодоления // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / А. Н. Байкулова [и др.]; под ред. О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. С. 9-22.
6. Куликова Г.С. Способы предупреждения рисков неправильного понимания заимствований // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 76-84.
7. Кормилицына М.А. Риски применения демагогических приемов в политическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Вып. 13. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. С. 14-24.
8. Струкова О.Н. Проявление коммуникативной некомпетенции в речи руководителей (на примере рабочих совещаний) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. Вып. 11. С. 54-59.
9. Профессиональные навыки юриста: учебник для академического бакалавриата / Е. Н. Доброхотова [и др.]; под общ. ред. Е.Н. Доброхотовой. М.: Юрайт, 2016.

References

1. Voskobitova, L.A., Gutnicov, A.B., Zakharov, V.V. etc. (2001). *Professional'nye navyki yurista. Opyt prakticheskogo obucheniya* [*Professional Skills of a Lawyer. Experience of*

Practical Training]. V.P. Voskobitova, L.P. Mikhailova, E.S. Shugrina (eds.). Moscow: Delo [in Russian].

2. Gimpelson, E. G. (2010). Konsul'tatsiya v deyatel'nosti yurista [Consultation in the Activity of a Lawyer]. In *Ritorika i kul'tu-ra rechi: nauka, obuchenie, praktika [Rhetoric and Culture of Speech: Science, Teaching, Practice]*. G. G. Glinina (ed.). Astrakhan ID "Astrahanskij universitet", 63-67 [in Russian].

3. Vvedenskaja, L.A., Pavlova, L.G. (2002). *Ritorika dlya yuristov: uchebnoe posobie. [Rhetoric for Lawyers: A Textbook]*. Rostov-na-Donu: Fenix [in Russian].

4. Kormilicyna, M.A. Sirotinina, O.B. (2014). Vazhnost' znaniy o riskakh kommunikatsii dlya uspeshnoy professional'noy deyatel'nosti zhurnalistov [Importance of Knowledge about the Risks of Communication for Successful Professional Activity of Journalists]. In *Integratsiya nauki i praktiki kak mekhanizm effektivnogo razvitiya sovremennogo obshchestva [Integration of Science and Practice as a Mechanism for the Effective Development of Modern Society]*. Moscow: Izd-vo "Institut strategicheskikh issledovaniy", 115-121 [in Russian].

5. Victorova, E.Ju., Kormilicina, M.A., Sirotinina, O.B. (2016). Kommunikativnye riski, ikh prichiny, sposoby preduprezhdeniya i preodoleniya [Communicative Risks, Their Causes, Methods of Prevention and Overcoming]. In *Riskogennost' sovremennoy kommunikatsii i rol' kommunikativnoy kompetentnosti v ee preodolenii [The Risks of Modern Communication and the Role of Communicative Competence in Their Overcoming]*. O. B. Sirotinina and M. A. Kormilicyna (eds.). Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 9-22 [in Russian].

6. Kulikova, G.S. (2014). Sposoby preduprezhdeniya riskov nepravil'nogo ponimaniya zaimstvovaniy [Ways of Preventing Risks of Borrowing Misunderstanding]. In *Problemy rechevoy kommunikatsii [Problems of Verbal Communication]*. M. A. Kormilicyna (ed.). Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. Vol. 14, 76-84 [in Russian].

7. Kormilicyna, M.A. (2013). Riski primeneniya demagogicheskikh priemov v politicheskom diskurse [Risks of Using Demagogic Techniques in Political Discourse]. In *Problemy rechevoy kommunikatsii [Problems of Verbal Communication]*. M. A. Kormilicyna (ed.). Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. Vol. 13, 14-24 [in Russian].

8. Strukova, O.N. (2011). Proyavlenie kommunikativnoy nekompetentsii v rechi rukovoditeley (na primere rabo-chikh soveshchaniy) [Manifestation of Communicative Incompetence in the Speech of Managers (Using Work Meetings as Examples)]. In *Problemy rechevoy kommunikatsii [Problems of Verbal Communication]*. M. A. Kormilicyna (ed.). Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. Vol. 11, 54-59 [in Russian].

9. *Professional'nye navyki yurista: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [Professional Skills of a Lawyer: A Textbook for Academic Bachelors]*. E. N. Dobrohotova (ed.). Moscow: Jurait [in Russian].

© Иванова Т.В., Никитина О.В.

УДК 811.161.1'373

ББК 81.2

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ОТ ДЕЙСТВИЯ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Авдевинна Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Саратовская государственная юридическая академия, olga.rosauz@gmail.

Аннотация. Перцептивная семантика – это область языковых значений, выражающих феномены психологического процесса восприятия. Статья посвящена анализу направлений вторичной концептуализации лексики с перцептивным значением. Цель исследования – выявление закономерностей развития перцептивной семантики в сфере обозначения социальных действий. Задачи: 1) обзор основных научных подходов к изучению системности перцептивной семантики, 2) анализ влияния системных параметров семантики восприятия на ее вторичную концептуализацию, 3) выявление в глаголах и наименованиях лиц с перцептивным значением социо- и антропоцентрических представлений. Методы исследования: системно-языковой анализ – перцептивная семантика анализируется как область разноуровневых языковых значений, функциональный метод – анализируется лексика в соотношении ее словарного потенциала и употребления в текстах, когнитивный метод – реконструируются языковые представления о человеке и обществе, соотношение понятий действие / состояние / деятельность, концепты профессиональной сферы и оценочные компоненты отдельных социокультурных представлений. Выявлены закономерности развития перцептивной семантики, которые определяются, во-первых, формой перцепции: интенсивнее и разнообразнее развиваются значения зрительного и слухового восприятия, во-вторых, противопоставлением в его процессной природе действия и состояния (*видеть / смотреть, слышать / слушать*): социальные аспекты значения развиваются в первую очередь в лексике перцептивного действия, в-третьих, на примере наименований лица (*надзиратель, смотритель*) установлено, что когнитивной схемой развития перцептивной семантики является ее движение из сферы обозначения психологических феноменов в область социальных смыслов и культурных концептов. Вторичная концептуализация лексики со значением восприятия отражает сложность и многоуровневый характер языковой категоризации психологических феноменов и тесную взаимосвязь в языковой картине мира психологических и социальных представлений.

Ключевые слова: восприятие, перцептивная семантика, перцептивная лексика, действие, деятельность, глагол, вторичная концептуализация, языковая категоризация, наименование лица, оценочность.

PERCEPTIVE MEANINGS IN SOCIAL SPHERE: FROM ACTION TO ACTIVITIES

Olga Ju. Avdevnina, ORCID 0000-0002-2239-3285, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, olga.rosauz@gmail.com

Abstract. Perceptual semantics is an area of linguistic meanings that express the phenomena of psychology of perception. The article is devoted to the analysis of the areas of secondary conceptualization of vocabulary with perceptual meaning. The aim of the study is to identify patterns of development of perceptual semantics in the field of designating social actions. The tasks of the article are: 1) an overview of the main approaches to the study of the systemic perceptual semantics, 2) the analysis of the influence of the systematic parameters of the semantics of perception on its secondary conceptualization, 3) the identification of social and anthropocentric representations in verbs and names of persons with the perceptual meanings. Research methods were: the systematic linguistic analysis (perceptual semantics is analyzed as an area of multi-level linguistic meanings), the functional method (words are analyzed taking into consideration their vocabulary potential and usage in the texts), the cognitive method (language concepts about a person and society are reconstructed, the correlation of the concepts of action / condition / activity, as well as the concepts of the professional sphere and evaluation components of individual socio-cultural ideas were studied. Social aspects of meanings develop primarily in the vocabulary of perceptual action. The author identified patterns of development of perceptual semantics, which are determined by the form of perception (the values of visual and auditory perception develop intensively and diversely), and by opposition *action : state* (to see / to watch, to hear / to listen). With the example of the names of persons (*a warden, a caretaker, etc.*), it was revealed that the cognitive scheme of the development of perceptual semantics is its movement from the sphere of designation of psychological phenomena into the sphere of social meanings and cultural concepts. Secondary conceptualization of vocabulary with the meaning of perception reflects the complexity and multi-level nature of language categorization of psychological phenomena and close relationship of psychological and social representations in the language picture of the world.

Key words: perception, perceptual semantics, perceptual vocabulary, action, activity, verb, secondary conceptualization, language categorization, name of a person, appraisal.

Системность перцептивных значений и их концептуализация в профессиональной сфере

К перцептивным значениям, или перцептивной семантике, относятся значения и языковые средства продуцирования процесса восприятия человеком окружающего мира и передачи чувственных впечатлений (от лат. *perceptio* – восприятие). Восприятие и чувственные впечатления – это физиологически детерминированные психологические феномены, являющиеся результатом действия отражательной способности психики и определяющие формирование и особенности функционирования человеческого сознания.

С недавних пор эти феномены оказались в центре внимания лингвистики, во-первых, в связи с возросшим интересом ученых к языковым универсалиям, к которым относятся в том числе и физиологические, психологические процессы и явления, общие для всех людей, независимо от национальной принадлежности и историко-социальных условий жизни: сравнение репрезентации психологии восприятия в разных языках эффективно для реконструкции общей когнитивной основы и различий разных языков, а во-вторых, в связи с поиском человеческого фактора в языке, в том числе такого параметра психики, который определяет внутренние связи языковых значений, влияет на структуру многих языковых категорий и на формирование языковой картины мира.

Последняя тенденция сформировала особый подход к изучению языка, который обозначается как *принцип антропоцентризма*. Этот подход актуален прежде всего для такого направления исследований, как когнитивная лингвистика. В работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, А. Вежбицкой, А.В. Кравченко, Е.В. Падучевой и многих других ученых было признано, что восприятие является тем познавательным модусом, который задает ракурс осмысления и пути репрезентации в языке очень многих категорий бытия и сознания: пространства, времени, реальности, состояния, представлений и душе, противопоставления внут-

ренного внешнему, дейктических значений и т. п. Подробный анализ традиции и направлений изучения восприятия в разных отраслях гуманитарного знания, в том числе и в лингвистике, приводится в нашем монографическом исследовании [1: 10-64].

В центре нашего внимания в данной статье функционально-семантический аспект языковой репрезентации феноменов восприятия и процессы вторичной концептуализации перцептивных значений, которые недостаточно изучены в лингвистике, в частности, номинативный потенциал перцептивной лексики в его реализации в профессиональной юридической речи. Оба направления: и углубление анализа перцептивной семантики, и описание отдельных сегментов юридического дискурса – составляют **проблему** современной лингвистики и являются **актуальными** в современной парадигме научных филологических дисциплин.

Для понимания роли перцептивной лексики в специальном знании необходимо, прежде всего, обратиться к вопросам систематизации семантики восприятия. Наиболее распространенный подход к системности этого вида языковых значений – это их анализ с точки зрения характеристик самой психологии восприятия, классификация значений и их систематизация по экстралингвистическим признакам. Так, восприятие как психофизиологическое отражение материальных объектов реальной действительности является одним из модусов сознания, наряду с мышлением, памятью и воображением, но и само восприятие распределяется по отдельным модальностям, или так называемым формам восприятия, к которым относятся зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. Каждая форма обусловлена действием соответствующих органов чувств. Эти всем известные пять каналов перцепции составляют сенсорно-перцептивную систему организма. Естественно, психофизиологическая организация процесса восприятия не может не влиять на его вербализацию и иную репрезентацию в языке. Именно так чаще всего восприятие и изучается в перцептивной лингвистике: выделяются, например, *лексика зрительного восприятия, глаголы слухового восприятия, одорическая (оль-*

факторная) лексика (названия запахов), *прилагательные вкуса, тактильных признаков* и т. п.

Самыми генерализованными и категоризованными в языке оказываются, конечно, зрительные и слуховые впечатления, в силу целостности их образов и более тесной, по сравнению с другими формами чувствительности, связи с мышлением. Поэтому именно эти формы составляют основу, например, художественной образности: «Словесный образ представляет собой каждый раз новое, функционально обусловленное, сообщение о визуальном восприятии объекта» [6: 3]. Современные исследователи выделяют зрительные и слуховые образы в качестве доминант индивидуального поэтического стиля многих поэтов. Таковы, например, научные наблюдения авторов монографии «Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности» над образными системами В. Соловьева, Б. Пастернака, К. Бальмонта, чешского поэта О. Бржезины [3]. Перцептивная лексика, особенно со значением визуальной и слуховой перцепции, легко поддается не только художественной трансформации, но и семантическому переосмыслению в границах узуса единицы. В процессе употребления слова довольно быстро обрастают новыми значениями, семантическими оттенками, стилистическими обертонами. Вот почему, например, глаголы зрительного и слухового восприятия отличаются разветвленной многозначностью. Это свидетельствует о богатом функционале этой лексики, в чем мы убедимся в анализе и профессиональной речи.

Еще один подход к систематизации перцептивных значений обусловлен процессной природой восприятия, структурированностью, как и большинство процессов, тремя основными компонентами: субъектом – перцептивным действием – объектом. Именно эта структура влияет на грамматикализацию отдельных представлений о восприятии, формирует категорию перцептивности и своеобразие средств ее выражения в грамматике языка (подробнее об этом см. [1: 46-50]). Средний член этой структуры (перцептивное действие) подвергается категоризации по двум признакам: целенаправленности (собственно *действие*) / нецеленаправленности (*состояние*). Глаголы

образуют соотносительные пары: *видеть / смотреть (глядеть), слышать / слушать, обонять / нюхать, осязать / щупать*. Эта соотнесенность может и отсутствовать: национальная специфика репрезентации восприятия, например, в русском языке заключается в отсутствии этой корреляции при обозначении вкусовых ощущений, в самой природе которых нерелевантны не только оппозиция действия и состояния, но и сами представления о вкусовом ощущении как процессе – глагольном действии, поэтому в языке нет специальных глаголов вкуса, используются описательные конструкции с глаголами общей чувствительности (*чувствовать* или *ощущать вкус*).

Представления об оппозиционном характере перцептивных процессов, в частности – о регулярности противопоставления действия / состояния, влияет на интенсивность и направления развития семантики восприятия, например, на формирование вторичных значений. Так, значения способов действия² в поле перцептивной глагольной семантики возникают у глаголов *действия*, а не *состояния*. Например, приставки активнее присоединяются к глаголу *смотреть*, а не *видеть*: *посмотреть, высмотреть, усмотреть, просмотреть, поглядывать, засмотреться, насмотреться, отсмотреть, пересмотреть, поглядывать, присмотреть, всмотреться* и т.п. (ср. не так много таких возможностей у глагола *видеть*: *увидеть, завидеть издали, варианты увидаться, свидаться, привидаться* и т. п. – обозначают ‘встретиться’, ‘испытать’ и т. п., т. е. существенно отходят от значения зрительного восприятия).

² В грамматике глагола «способы действия» или «способы глагольного действия» – явления, возникающие на границе формо- и словообразования. Это регулярные модели обозначения аспектов действия, пересекающихся с таким аспектуальным грамматическим значением, как вид глагола. К способам действия относится целый ряд регулярно появляющихся у глаголов значений: начало действия (*заиграть, зашуметь*), окончание действия (*отшуметь, отдежурить*), однократное действие (*толкнуть, вскрикнуть*), многократное действие (*хаживать, сиживать*), результативное, накопительное, интенсивное, распределительное, смягчительное, тотально-распределительное действие и т. д. Эти значения выражаются приставками, суффиксами или приставочно-суффиксальным способом, одновременно меняющими и вид глагола. В результате возникают целые группы разных глаголов со сходным аспектуальным значением, которые тоже называют *способами действия* [2].

Именно глаголы перцептивного действия как целенаправленного, активного восприятия легче подвергаются метафоризации, в результате которой развиваются в том числе значения социальных действий. Например, согласно словарным материалам [5], глагол *смотреть* обозначает процессы, в которых перцепция в совокупности с другими действиями подчинена социальным целям – уходу за детьми или теми, кто нуждается в заботе и помощи: «Иметь надзор, попечение, заботиться о ком-, чем-л. *Смотреть за детьми*. (...)» [5]; «политической, оперативной или криминальной слежке за кем-либо (см. также значения глаголов *глядеть*, *присматривать*, *надзирать*); соблюдению каких-либо норм: чистоты, дисциплины, порядка: *Смотреть за порядком*, *смотреть за могилой*; *смотреть за дисциплиной*; осмотру какого-либо места или предмета с целью приобретения, найма, ухода: «осматривать, рассматривать кого-, что-л. с целью ознакомления. *Мы теперь идем смотреть новую квартиру*. А. Островский» [5]; участию в качестве зрителя в зрелищном мероприятии; «быть зрителем, присутствовать на каком-л. зрелище, представлении. *В восемь часов пошел я смотреть фокусника*. Лермонтов» [5]; профессиональному исследованию объекта: «производить осмотр, освидетельствование кого-, чего-л. (...) *Доктора смотрели ее, слушали ее грудь, выходили в другую комнату, молча пожимали плечами*. И. Гончаров. (...) Устар.: Производить смотр чему-л. *Был получен приказ, что главнокомандующий будет смотреть полк на походе*. Л. Толстой» [5]. Все эти значения нашли отражение в толковых словарях и могут считаться системными употреблениями глаголов *смотреть* и *глядеть*.

В поле обозначения слухового восприятия тоже немало таких значений. Они также закреплены, прежде всего, за перцептивным действием (целенаправленным активным процессом), возникают в словах, производных от глагола *слушать*: *слушаться*, *слушатель*, *послушный* (*непослушный*), *послушливый*, *послушание* («повиновение, покорность», церк. «обязанность, которая возлагается на каждого монаха или послушника в монастыре, а также работа, обязанность, выполняемая во искупление греха, проступка»), *послушник* и т. п.

Среди социально детерминированных семантических приращений перцептивной лексики отчетливо выделяются два вида значений: социальное общение и социальная деятельность (подробнее см. [1: 193 – 210]).

Оттенки значений социальной, в том числе профессиональной деятельности во множестве встречаются в производной лексике, например: **смотреть** «1. Торжественный, официальный осмотр чего-л. (обычно войск), ознакомление с чем-л. 2. Публичный показ результатов деятельности, общественная проверка чего-л.» [5]; **смотрение** «Устар. и книжн. Действие по глаголу *смотреть* в значении контроля, проверки и т.п. (...) *Имел честь сопроводить вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.* Гоголь» [5]; **слушание** – от глаг. *слушать* в значении «публично разбирать какое-л. судебное дело *На двадцать третье сентября в окружном суде назначено к слушанию дело по обвинению Веры Капитановой в краже.* М. Горький» [5].

Особенностью обозначения социальных действий является маркирование в некоторых словах и значениях иерархии социальных отношений, что также является неотъемлемым семантическим признаком представления в языке социальных феноменов. В перцептивной лексике это, например, отражение вертикали отношений людей. Так, производные по глаголу *смотреть* часто обозначают отношения сверху вниз: *смотреть, осмотр, смотрение* (как и *надзор*) – осуществляются лицом начальствующим или вышестоящим. Не все, но многие производные по глаголу *слушать* – наоборот: маркируют отношения подчинения (*слушаться, послушный, послушание, послушник*). Наблюдается своеобразная связь концептуализации форм восприятия с представлениями о социальном неравенстве людей: визуальная перцепция в отношении одного человека к другому воспринимается языком как *право смотреть*, а слуховая (прежде всего восприятие речи другого человека) – как *обязанность слушать* (в противопоставление к *праву говорить* у вышестоящего). Эти наблюдения пересекаются с выводами других филологических наук: риторики, социолингвистики, лингвокультурологии – об иерар-

личности ролей говорящего и слушающего в отдельных формах речевой деятельности, например в публичной речи.

Таким образом, перцептивные действия и умения человека осмыслиются в языке в направлении от репрезентации восприятия как физиологически обусловленного психического процесса к обозначению тех сфер бытия, в которых они используются в социальной функции. При этом, значение социального действия отличается от социальной, например профессиональной, деятельности. Действия становятся деятельностью, если они включены в общественные отношения, носят регулярный характер и входят в круг профессиональных, должностных или иных общественных обязанностей человека как социальной личности.

Перцептивные значения в наименованиях лиц по профессии

Особым направлением в социальной концептуализации перцептивной семантики является наименование лиц. Ее признаками является, во-первых, выступающая на первый план любой номинации лица функция *идентификации* человека в оппозиции «я – другой». Наименование лица всегда осуществляет *другой*. Самоназвание (я-называние) практически невозможно, единственное корректное языковое средство самоназывания – это местоимение *я*, все остальные случаи обозначения себя в речи или сопровождают это местоимение (*Я, купец 1-й гильдии, Иванов Иван Иванович...*), или подменяются этикетными формулами (*Мы, Николай II...*), или являются особым стилистическим приемом (разговор с самим собой). Во-вторых, идентификация одного человека другим всегда носит *социальный характер*, по каким бы признакам ни был назван человек (*блондин, старик, цыганка, сестра, повар, директор* и т. п.), т. е. подчинена задачам организации социальных отношений – контактам и взаимосвязи людей как членов того или иного социума.

Личностная же концептуализация человека в любом виде антропонима всегда однобока (подробнее об этом см. [1: 211-249]): никакое наименование не воплощает всего круга представлений ни о конкретном человеке, ни о группе людей, ни о человеке вообще. Тем не менее, разные наименования

можно сравнить по степени социальности выраженных в них антропологических представлений. Так, наименования людей по профессии или сфере деятельности находятся, конечно, в поле формирования социоцентрической языковой семантики: они не только идентифицируют человека, но и отражают различные социальные феномены, аспекты общественной жизни: отношения, стратификацию, иерархию и т. п.

В наименованиях лиц по перцептивному действию метафорически развиваемая социоцентричность семантики восприятия (см. выше) накладывается на социоцентричность самих наименований лиц. Одной из групп такой лексики являются наименования людей, профессиональная деятельность которых связана со специальным наблюдением за человеком или людьми: *надзиратель, соглядатай, смотритель*. Они образованы посредством метафоризации визуальной перцепции, подчиненной задачам социального бытия³. Исторически эта лексика связана с начальным этапом формирования не просто юридической лексики, но и в целом – юридического дискурса.

Эта лексика проходит в своем семантическом развитии путь от простого наименования до концепта – маркера, «сгустка» культурной традиции (метафора Ю.С. Степанова). Приведем в пример слово *надзиратель*: вышедшее из активного употребления в качестве специального слова, оно не потеряло связь со сферой обозначения правовых, юридических отношений, хотя и сдвинулось на периферию этой сферы – в область вторичных наименований, оценочного переосмысления институциональности юридических отношений.

Словарное значение слова: «должностное лицо в дореволюционной России, занимавшееся надзором, наблюдением за кем-л., чем-л. *Полицейский надзиратель. Классный надзиратель. Вопреки ожиданиям, за побег Беляева надзиратели коридора одиночек отделались очень легким наказанием. Марков*» [5].

³ Эта лексика находится в той же области концептуализации юридических отношений, что и центральное для этой сферы понятие *надзор*. Этот концепт формируется на основе метафоры, тоже восходящей к перцептивной семантике.

Современные ассоциации связывают понятие *надзиратель* почти исключительно с тюремной тематикой, тогда как исторически его отнесенность к юридической сфере социальных отношений была не такой прямолинейной. История функционирования этого слова в качестве наименования лица включает и нейтральные обозначения профессии. Оно обозначает понятия, восходящие к глаголу *надзирать*: «вести наблюдение, надзор за кем-, чем-л., неся за это ответственность. *Надзирать за порядком. Сотня людей надзирает за работой*» [5]), – и понятия, родственные относительно нейтральному в оценочном плане понятию «надзор»: «1. Наблюдение за кем-, чем-л. с целью охраны, контроля и т. п. (...). 2. с определением. Группа надзирающих лиц, орган наблюдения за кем-, чем-л., контроля за кем-, чем-л. *Общественный надзор. Технический надзор* (...)» [5].

По материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [4] удалось установить, что в XVIII, XIX, начале XX вв. слово *надзиратель* выступало эквивалентным обозначением понятия *полицейский*, наряду со словами *городовой, квартальный, пограничник* и т. п.:

Для употребления к лучшему наблюдению по усмотрению таможенно-го пограничного надзирателя, то надзирание за оными лучше можно про-извести сими судами (А. Радищев. О таможенных обрядах)⁴;

По прочтении этого показания, Эмма Герзау, подтвердив оное, от подписания его отказалась, отзываясь, что не может, и присовокупила: «Не мучьте, ради Христа». Помощник пристава, околоточный надзира-тель, двое понятых. Предсмертная записка Герзау (А. Кони. Пропавшая серьга (Из записок и воспоминаний судебного деятеля));

Так как предмет этой статьи составляет мужскую тайну и требует серьезного умственного напряжения, на которое весьма многие дамы не способны, то прошу отцов, мужей, околоточных надзирателей и пр. наблюдать, чтобы дамы и девицы этой статьи не читали (А. Чехов. Руководство для желающих жениться);

⁴ Здесь и далее примеры из художественной литературы взяты из материалов НКРЯ.

– Друг мой, – раздался в эту минуту совершенно неожиданно голос Ивана Матвевича, изумивший нас до крайности, – друг мой, мое мнение – действовать прямо **через контору надзирателя**, ибо немец без помощи **полиции** не поймет истины (Ф. Достоевский. Крокодил);

Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он, вместо того чтобы понапрасну браниться, **сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель** (Н. Гоголь. Шинель);

Нос, желающий удрать в дилижансе в Ригу, перехвачен **квартальным надзирателем** и возвращен в тряпочке бывшему владельцу (Ю. Тынянов. Об основах кино);

Мне сам господин **околоточный надзиратель** сказал, что все это ерунда (Н. Тэффи. Утешитель);

Русский же хозяин, без особо важных поводов, не пойдет ни к **квартальному (полицейскому надзирателю)**, ни к помещику, ибо полиция и дворянство – общие враги и бородатого хозяина и небритого работника (Д. Подвойский. Национальный характер как фактор хозяйственной жизни);

С малых годов Федя в механической работал, да в **рекрутчину-то** согрубил тамошнему **надзирателю**, – Федю потом и не приняли да еще посмеялись (П. Бажов. Широкое плечо) и т. п.

Как видим, старые значения слова *надзиратель* варьируются в границах репрезентации если не профессии, то таких видов деятельности, которые находятся в круге реализации общеюридической идеи правового надзора. В современном языке номинативные его значения, связанные с юридической сферой (*полицейский, пограничник, таможенник*), отошли в прошлое. Языковое сознание связало его с тюремной сферой смыслов и сохранило в его оценочной палитре всего только одну краску – негативную. Сразу оговоримся, что считаем именно вторичное осмысление содержания слова признаком его перехода в концепт и закреплённости в том или ином виде дискурса.

Это слово используется сегодня больше в функции оценки, а не номинации. в качестве средства оценочной интерпретации социальных отношений, возникающих в связи с заключением человека под стражу, пребыванием в тюрьме, лагере и т. п. Его отнесенность к этой сфере маркируется тем, что в одном контексте с ним появляются, как правило, и другие понятия исполнения наказания: *заклученные, осужденные, палачи, следить, статья, уголовное дело* и т. п.: – *Вот, заключенные, – сказал он и кивнул надзирателям на афишу, те сразу ее прикололи на щит «Перековка». – Вот, заключенные, я прочел вам приказ Гулага за номером пятьсот* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Наказание, лишение свободы – это та область общественного бытия, которая в русской системе социальных представлений всегда считалась карательной, жестокой, несправедливой к человеку. В литературе она интерпретируется как проявление бездушия государственной машины, целью которой является не столько наказание преступника, сколько подавление личности, свободы, прав и достоинств человека. Поэтому с морально-нравственной точки зрения эта область социальных отношений нередко рассматривается в категориях «жертва / мучитель»: несправедливо осужденный на муки, беззащитный человек терпит физические, психологические страдания, материальные лишения, нужду, унижения. Его антагонист – представитель государства, чиновник тюремной системы – бездушный угнетатель, палач и мучитель. В художественном тексте оно начинает маркировать не профессию или род деятельности, а закрытый для большинства людей особый мир – мир страдания, унижений, бездуховности и бездушия карательной системы, нравственного дна, жестокости и всего того, чем могут быть охарактеризованы порядки и нравы тюремной или лагерной жизни:

*И нынешний шестидесятиввагонный эшелон, идущий в Красноярский край: подвижный **тюремный город**, товарные четырехосные вагоны, зарешеченные окошечки, трехэтажные нары, вагоны-склады, штабные вагоны, полные **надзирателей-вертухов**, вагоны-кухни, вагоны со служебными собаками – они рыщут на стоянках вдоль эшелона; начальник эшелона, окру-*

женный, подобно сказочному падишаху, лестью поваров, наложниц-проституток; проверки, когда в вагон влезает надзиратель, а прочие вертухи с автоматами, направленными в открытые двери теплушек, держат под прицелом заключенных, – тесной грудой сбились люди, а надзиратель ловко перегоняет помеченных заключенных из одной части вагона в другую, и, как бы стремительно ни кидался заключенный, вертух успевает поддать его палкой по заднице или по кумполу (В. Гроссман. Все течет).

Несколько иной является вторичная концептуализация слова *смотритель*, словарное значение которого: «служащий, осуществляющий надзор, наблюдение за чем-л., заведующий чем-л. или инспектирующий что-л. *Смотритель маяка. Смотритель музея*» [5]. Словарное толкование его значения в общем и целом исчерпывает весь набор наиболее частотных его словоупотреблений в художественном и публицистическом текстах – это, во-первых, номенклатурное наименование лица по профессии (*смотритель училища, музейный смотритель, техник-смотритель* и т. п.), во-вторых, описательное наименование лица по выполняемым им некоторым обязанностям с актуализацией семы ‘смотреть – охранять, присматривать’ (*смотритель за дачей, жэковский смотритель, смотритель в огороде* и т. п.), в-третьих, наименование не лица, а должности, круга обязанностей, характера службы (*в качестве смотрителя за домом, место смотрителя маяка* и т. п.).

Социальная направленность всех этих семантических вариантов функционирования слова не вызывает сомнения: должность или работа *смотрителя* предполагает не только наблюдение, контроль за чем-либо, но и действия по уходу за чем-либо (*дорожный смотритель*), по организации чего-либо (*станционный смотритель, смотритель рыболовства*), охране чего-либо (*ночной смотритель, смотритель заповедника*), руководству чем-либо (*смотритель острова*) и т. п. Областью его вторичного употребления являются художественные и публицистические произведения в основном с исторической, этнографической сюжетной основой.

Усложнение концептуализации самого понятия связано не с обозначаемой реальностью – профессией зрителя, а с феноменом прецедентности. Так, это слово имеет архетипическое содержание, которое оно получило в русской литературе в двух устойчивых его употреблениях: *станционный зритель* (восходящее к образу героя одноименной повести А.С. Пушкина) и *зритель богоугодных заведений* (Н.В. Гоголь «Ревизор»).

Актуализация прецедентного смысла – социокультурной ассоциации, связанной с этими двумя историческими его употреблениями, – является одним из приемов своеобразной эстетизации как самого слова, так и деятельности, профессии зрителя, заключающейся в выражении иронии:

*Перед лицами высшими Хвалынский большей частью безмолвствует, а к лицам низшим, которых, по-видимому, презирает, но с которыми только и знает, держит речи отрывистые и резкие, беспрестанно употребляя выраженья, подобные следующим: «Это, однако, вы пус-тя-ки говорите»; или: «Я наконец вынужденным нахожусь, милосвѣй сдари мой, вам поставить на вид»; или: «Наконец вы должны, однако же, знать, с кем имеете дело», и пр. Особенно боятся его **почтмейстеры, непремѣнные заседатели и станционные зрители**. Дома он у себя никого не принимает и живет, как слышно, скрюгой (И. Тургенев. Два помещика);*

*Туся говорит: Ленин в детстве изображается так, будто ему предстояло сделаться **зрителем богоугодных заведений, а не революционером** (Л. Чуковская. Памяти Тамары Григорьевны Габбе).*

В целом же оценочность слова даже в современном его функционировании выражена менее, чем у слова *надзиратель*.

По нашим наблюдениям, путь от номинации перцептивных действий к обозначению социальной деятельности, а от него – к формированию концепта проходят практически все наименования лиц с перцептивным значением: *соглядатай, очевидец, свидетель, слепой / зрячий, глухой* и т. п. Это свидетельствует о том, насколько важны перцептивные представления и концептуализация самого восприятия для осмысления мира и для самопознания человека, и о том, какую роль в этом процессе играет перцептивная лексика.

Общим выводом может служить мысль о тесной взаимосвязи в языке и языковой картине мира всех антропоцентрических представлений, отражающих сложность самого феномена человека и его социального бытия.

Список литературы

1. Авдевшина О. Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.
3. Корячанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Brno: Mazarykova univerzita, 2016.
4. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. Изд. 3-е стереотип. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985 – 1988.
6. Халикова, Н.В. Категория образности художественного прозаического текста. АДД, М., 2004.

References

1. Avdevnina, O. Yu. (2013). *Pertseptivnaya semantika: zakonomernosti formirovaniya i potentsial khudozhestvennoy realizatsii [Perceptual Semantics: Patterns of Formation and the Potential of Artistic Realization]*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2013 [In Russian].
2. Bondarko, A. V. (1971). *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie) [Voice and Tense of the Russian Verb (Meaning and Usage)]*. M.: Prosveshchenie [In Russian].
3. Korychankova, S., Kryukova, L., Khiznichenko, A. (2016). *Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti [The Poetic Picture of the World through the Prism of the Category of Perceptiveness]*. Brno: Mazarykova univerzita [In Russian].
4. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> [In Russian].
5. *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. Izd. 3-e stereotip. (1985 – 1988) / Gl. red. A. P. Evgen'eva. [Dictionary of the Russian Language: in 4 Vols. (A.P. Yevgenyava ed.) 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk, 6 [In Russian]*.
6. Khalikova, N. V. (2004). *Kategoriya obraznosti khudozhestvennogo prozaicheskogo teksta [The Category of Imagery of Artistic Prose Text]*. Abstract of Thesis, Moscow [In Russian].

© Авдевшина О.Ю.

УДК 81'22

ББК 85.1

TYOLOGICAL PECULIARITIES OF THE “NAÏVE” PERCEPTION OF PAINTINGS IN THE EXPERIMENT

Evgeniya A. Yelina, ORCID 0000-0001-8743-372X, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, sarelina@mail.ru.

Abstract. The purpose of the article is to consider “ordinary perceptual experience” as the most important way of perceiving, recoding, interpreting a work of art. Since the whole history of art is the history of communication of the author (artist) with his or her addressees (primarily viewers, who are not specialists in art), the features of “naïve”, unprofessional, direct perception become the determining factors in the formation of aesthetic interpretations. The problem of the adequacy of the verbal interpretation of the work to the work itself (referring to the problem of diversity of semiotic systems) is raised. The conditions, the course and the results of the psycholinguistic experiment of interpreting the pictorial work by various social groups of “naïve” recipients are described. A conclusion is drawn about both the creative potential of individual perception and about the social and group attitudinal verbal interpretations of painting.

Keywords: naïve perception, verbal interpretation, installation, multi-code semiotic systems.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «НАИВНОГО» ВОСПРИЯТИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ В УСЛОВИЯХ ЭКСПЕРИМЕНТА

Е.А. Елина, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, sarelina@mail.ru.

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть «обыденный перцептивный опыт» как важнейший способ восприятия, перекодирования, интерпретации произведения изобразительного искусства. Поскольку вся история искусства – это история коммуникации автора (художника) с его адресатами (прежде всего обычными зрителями),

особенности «наивного», непрофессионального, непосредственного восприятия становятся определяющими факторами формирования базы эстетических интерпретаций. Поднимается проблема адекватности вербальной интерпретации произведения самому произведению (проблема разнокодности семиотических систем), описываются условия, ход и результаты психолингвистического эксперимента на интерпретацию живописного произведения различными социальными группами «наивных» реципиентов. В статье делается вывод как о креативном потенциале индивидуальной перцепции, так и о социально-групповых установочных вербальных интерпретаций живописи.

Ключевые слова: наивное восприятие, вербальные интерпретации, установка, разнокодовые семиотические системы.

Introduction

The details of artistic activity significantly affect the organization of perception. It is impossible not to agree with the statement of S. M. Daniela that between the everyday and artistic perception there is a vast difference. The artistic perception means a “professional” perception of an artist; the ordinary perception is that of a layman, an ordinary viewer. An artist as a professional viewer possesses a highly organized perception scheme, which is a form of active anticipation of what will be perceived. The artist is more sensitive to unexpected effects; he or she has a high degree of readiness for perception. At the same time, ordinary perceptual experience is very diverse, and if it is fundamentally different from professional artistic experience, it is not because of its simplicity, but because of a relative lack of organization. Everyday experience is not poor; it is chaotic [1: 63].

We would like to pay special attention to the ordinary perceptual experience, since the artist and his or her work exist only when there is an ordinary viewer; and the whole history of art is the history of interaction between the artist (with his or her artistic perception of reality) and the viewer (with his or her ordinary perceptive experience). That is why, no matter how chaotic and disorganized the “naïve” aesthetic perception may be, it cannot be underestimated. It can have a significant creative potential, and, being one of the spheres of the art-

ist's influence on the viewers' senses, ultimately, contributes to the development of artistic creativity.

To study the creative possibilities of a person, formed on the basis of deliberate perception, we must consider the verbally recorded result of the process of perception. We have chosen works of fine art as the object of application of individual creative perception, because there is an informative component (the presence of the subject of an image) in artistic images. In addition, any work of art as an aesthetic object initially involves a wide range of perceptions and interpretations, which gives a rich material for comparisons and conclusions.

Participants and the method of the experiment

Our task is to determine the degree of correspondence of the texts produced by "naïve" recipients with the depicted original, to find individual, social group characteristics of creative perception and to identify creative opportunities of a recipient.

The involvement of unprepared recipients, who are not art historians or, specialists in the experiment is explained by our interest in the interpretations made by "an average viewer" like an "average reader" [2: 90]. The subjects involved in the production of responsive texts were not given any task other than the experimental one, which had nothing to do with their profession, education, or personal lives, i.e. the specific task (noticing and interpretation), as well as the subject of research (art) had nothing to do with the individual and group interests of the participants of the experiment. Thus, the experiment can be considered "pure", unprepared and based solely on knowledge, experience, attitudes and tastes already having being formed by that time by the research participants, i.e. the experiment was based on subjective worldviews of the participants.

The method of obtaining detailed verbal (written) interpretations has a disadvantage because of a possible dissonance between the true feelings and their expression in a verbal form. The participants may be insincere in their judgments, but even in the case of sincerity, they may not be fully aware of their unconscious reactions and not be able to express them verbally in an ad-

equate way. However, we can ignore these experimental errors in light of certain advantages of the verbal form, because only this form of expression in an open survey captures the nuances and possibilities of the intentional aesthetic perception with its clearly defined tasks, when a person should not just look at something, but examine it and be able to observe and compare, perform visual operations and formulate conclusions [3: 126].

The experiment involved 240 people from 17 to 23 years of age, who were students of humanities and other specialties such as: philology, history, economics, and law. Each participant in the experiment was presented with one reproduction of a picture, which could be in a realistic style, or other trends in art (cubism, expressionism, etc.), which are more difficult to interpret. Each reproduction contained basic identifying information, such as the artist's name, the title, the year of creation, the technique, and the size. The participants were asked to interpret the image in writing, the task being formulated as follows: "Carefully consider the reproduction and its features, express and argue your opinion about it (likes/dislikes and the reasons)." Thus, asking for free response, the experimenter did not dictate the options of answers. Nor did the experimenter limit the time of the task execution or the length of the response. The time averaged up to 20 minutes and to about one notebook page for each description.

In some cases, the participants were presented with the same reproductions, which was done deliberately to more clearly identify the typological similarities and differences. Below we illustrate the experiment with the most characteristic responses or excerpts thereof.

The content of the experiment

In the interpretations made by the participants, there was an inadequate attention to individual details of images. This *pseudo-significant description* based on the accentuation of secondary elements of the art work indicates the inability of the participants to isolate the significant features of the image. The interpretations are largely reduced to fixing any noticed details, but lack integrity.

The artist should be proud that he so correctly depicted and picked up the makeup of such a fragile creature as a woman (Deineka A. "A Parisian").

...The legs of the table are almost invisible... The shadow of the basket of apples falls on the rose, and because of this, the stem of the rose is almost invisible (Surbaran F. “A still life with fruit”).

...I don't like the way the artist painted the legs – they are too high. She is sitting leaning on the wall... (Altman N. “Portrait of Anna Akhmatova”).

...I like neither war, nor stories and pictures of it. Moreover, it depicts the dark door (Ni W. “1941”).

...Girls with sad faces in the meadow. I absolutely do not understand why the meadow needs the chairs... (Hiltner E. “In the meadow”).

These and similar excerpts of interpretations in many cases continue with a *negative unexplained judgment* of the picture. The picture is not considered as an aesthetic work, the artist is not an authoritative person (at the same time, artistic “flaws” according to the authors are carefully studied), and skill is an unimportant category for the viewer. There is an absolute sincerity of the participants and, of course, an understandable lack of aesthetic knowledge and experience:

Pablo Picasso's painting “Landscape with a bridge” did not make any impression on me...

...In my opinion, this work is unremarkable, so I do not want to describe it thoroughly (Deineka A. “A Parisian”).

...It seems that the artist did not try very hard to draw a picture (Kuznetsov P. “In the steppe”).

Sharp lines, dark tones and, most importantly, carelessness. Corrections are visible. This picture arose only my negative emotions... (Picasso P. “Self Portrait”).

Sharply negative judgements given by the participants to the greatest masters of painting also indicate the *absence of predisposition towards the authority of painters' names*, which is characteristic as a whole of this age group, using categorical assessments and an intolerant attitude towards the incomprehensible and the unusual.

In the interpretations, there was a pronounced inability to separate *the artistic attributes* (aesthetics and the “quality” of the picture) and the *subject of the image*. If the plot is not joyful, the image is not bright, the picture is assessed negatively:

In this picture, the author depicted seeing the soldiers off to the war... The idea of the picture is good, but I did not like it... There is a feeling that these soldiers, women and children, look at us with reproach through the veil of time (Ni W. "1941").

The picture does not arouse any emotions. Firstly, it is not too pleasant to look at, because the red color is annoying. Secondly, the girl is neither beautiful, nor attractive... (Deineka A. "A Parisian").

The picture made no impression on me. It arouses only negative emotions, as the author expressed his dejected and depressed mood (Hakobyan A. "A street in Leninakan").

Another feature of the texts is an *arbitrary interpretation* of an image. In this case, the interpretation has no factual basis. According to G. S. Knabe, the piece of art causes perceptions that were not intended by the author, and in the course of such perceptions the artwork is deconstructed, which results in the introduction of "fantasy and arbitrariness" into its interpretation [4:59]. This type of reflection testifies to the naïve desire of the respondents to say "more and in an extraordinary way", or express lack of understanding of the meaning of a work. The results are arbitrary, "wrong" interpretations:

I got the impression that the girls had left home because of a quarrel with someone close to them. Most likely, the girls came to the meadow at the initiative of the elder sister (Hiltner E. "In the meadow").

On the table, there is a tray with lemons, a saucer with a cup, flowers and a basket of apples. Light falls from the left side, illuminating the table. Such background and lighting create a feeling of desolation and poverty (Surbaran F. "A still life with fruit").

I think that Princess Tarakanova is unhappy in her love, she fell in love with someone, but she must marry someone else. However, she does not want it; she is forced to be here (Flavitsky K. Princess Tarakanova).

In his portrait, Pablo Picasso depicted closed (overpainted) ears. This suggests that he thinks a lot, is sad and does not want to hear anyone (Picasso P. "Self Portrait").

Along with the interpretations, there is a noticeable intuitive understanding of the stylistics of pictures in some texts. E.g., the traditional for the Seventeenth and

Eighteenth Centuries' technique of selective illumination (when the central figure or object is illuminated, and the rest is darkened – the effect of “Rembrandt lighting”) does not fall out of the scope of attention of the recipients, but is rather fixed in the texts and logically justified:

...The artist deliberately darkens the background, and depicts the beloved more lightly, thereby focusing our attention on their faces (Fragonard O. “Kiss furtively”).

...When I look at this still life, I imagine the night, peace and the quiet, the whole room is drowning in darkness, and only the fruit on the table is lit by the bright moon (Surbaran F. “A still life with fruit”).

The room is dark, but the bed and the girl are in bright sunlight. People, who are visited by an angel, because they are privileged, are often portrayed in this way in the Bible. Against the background of a dark room, the figure of a girl, glowing red, stands out. This gives importance to her (Flavitsky K. Princess Tarkanova).

Sometimes respondents having minimal knowledge nevertheless noted characteristic features of post-impressionism in their texts accurately:

The forms of the bowl and the jug are far from symmetric, which is typical for Impressionists who try to reflect the real impact of light and shadow on the volume and shape (Cezanne P. “A still life with drapery”).

It is an unusual picture, an interesting style. Something rough, angular, and disfiguring the person. An ugly nose, carved with an axe, eyes as in agony, gloomy tones, the complexion – all this scares and repels (Picasso P. “Self Portrait”).

The interpretations devoted to the cubist direction in painting were unexpectedly detailed – one of the most difficult styles for perception and verbal description:

At first glance, the picture seems destroyed, incomprehensible, as if the artist is trying to compare things that do not fit together. Sharp corners give the impression of aggressiveness of the picture, but it is smoothed by the fact that there are no bright, catchy colors. It seems to me that the artist is trying to show the complexity and inconsistency of life... (Brak J. “A still life with a guitar”).

“Landscape with a bridge” presses on the subconscious; the angularity of the lines hurts the eyes. The author expressed his depressed and oppressed mood. He wants silence, peace; he wants to be like that lonely, alienated tree standing on the side. However, the painter understands that it is impossible (Picasso P. “Landscape with a bridge”).

In some cases, one can notice an explicit *“inclusion” of the personality of the author of the text into the description, emotionality, expressiveness of statements, and the sensation of what is happening in the picture:*

Looking at the picture, I feel that I am somewhere nearby, watching these horses. Around is silence and crickets. I hear the crunch of grass chewed by the horse. It is a little chilly. You look at the sky and want to fly (Kuindzhi A. “Night”).

It’s like I’m in an old woman’s cozy house with a stove and pies... You want to go somewhere to the village, to your grandmother that would bake many pies and tell stories (Yablonsky T. “Life”).

The entire room is in the rays of light. The woman is bathing a child. This picture blows warmth, and it is very pleasant for me to look at it, the feeling of pleasure and hope for the future, for happiness and love arises in me (Kustodiev V. “Morning”).

Thus, one can say that the “naïve” viewers had an intuitive understanding of the style of the picture, expressed empathy and expressiveness in their assessments against the background of sharply negative judgments, pseudo-meaningful descriptions, non-distinction between the aesthetics of the picture and its setting, arbitrary interpretations, poor possession of artistic and factual material, and categorical conclusions.

The results of the interpretations' study

All identified features elicited during the experiment with amateur interpretations are presented in the table in percentages.

Features of non-professional interpretations	240 texts, %
Pseudo-significant details	19
A negative assessment	18
A positive assessment	68
No evaluation	12
Non-distinction of the quality and subject matter	10
An arbitrary interpretation	10
Presentation of the visual series	2
The presence of terminology	25
Expressed understanding of style	20
Personal involvement	31
Distinct expression	18
Lack of expressiveness	10
A high level of expression of the ideas in the text	16
The impact of the professional sphere	–

Conclusion

The comparative characteristic of “naïve” texts leads to the following conclusions. Common results of perception and the identity of “pictures of the world” of the respondents lead to the possibility of formulating close, semantically similar interpretations. Professions of the research participants do not have a determining influence on the effectiveness of perception and successful or unsuccessful execution of the task. The described general background does not interfere with the manifestations of fine taste and intuition, unexpectedly mature judgments and stylistic findings – all the components that make up the original verbal compositions, indicating the potential creative abilities of their authors. Unprepared “naïve” recipients are able to produce complete texts with traits like those of professional ones; i.e. “unprepared” artistic perception does not equate to the fatal inevitability of artistic misunderstanding.

Список литературы

1. Даниэль С. М. Искусство видеть. СПб.: Амфора, 2006.
2. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1988.
3. Кузин В. С. Психология искусства. М.: Оникс, 2005.
4. Кнабе Г. С. Семиотика культуры. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005.

References

1. Daniel, S. M. (2006). *Iskusstvo videt' [The art of Seeing]*. Saint Petersburg: Amphora [In Russian].
2. Belyanin, V. P. (1988). *Psikholingvisticheskie aspekty khudozhestvennogo teksta [Psycholinguistic Aspects of the Literary Text]*. Moscow: Izd-vo MGU [In Russian].
3. Kuzin, V. S. (2005). *Psikhologiya iskusstva [Psychology of Art]*. Moscow: Oniks [In Russian].
4. Knabe, G. S. (2005). *Semiotika kul'tury [Semiotics of Culture]*. Moscow: Ros. gos. humanit. un-t [In Russian].

© Елина Е.А.

УДК 81'42

ББК 81.2

«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, veronika.katermina@yandex.ru

Аннотация. В данной статье речь идет о дихотомии «свой» – «чужой», отраженной в лексических единицах русского и английского языков. Акцент ставится на этнических стереотипах, формирующих психологическую установку на эмоционально-ценностное (чаще – негативное) восприятие «Чужого» и задающих соответствующий алгоритм отбора и интерпретации фактов взаимодействия. Рассмотрены три степени этнической отчужденности и специфика объектов этнической оценки, при этом подчеркивается, что именно от характера отношений между нациями зависят основные «измерения» стереотипов и выявление национального характера. Отношение ученых к понятию «национальный характер», основанному на мнении о том, что представители одной нации имеют общие

личностные черты, типы мышления и модели поведения, неоднозначно. Наряду с достаточно широким признанием бытует точка зрения, которая оспаривает его существование из-за опасения перед стереотипизацией и политической некорректностью. Разнообразие объектов этнической оценки указывает на значимость данной проблемы, а наличие как русских, так и английских единиц для обозначения практически всех понятий подчеркивает универсальность данного явления и его одинаковое представление в языковой картине мира русского и английского народов.

Ключевые слова: свой-чужой, национальный характер, этноним, картина мира, стереотип, идентичность, этническая картина мира.

“OWN” AND “ALIEN” AS A REFLECTION OF RUSSIAN AND ENGLISH NATIONAL CHARACTER

Veronika V. Katermina. ORCID 0000-0001-9141-9867, Kuban State University, 149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russia, veronika.katermina@yandex.ru

Abstract. This article deals with the dichotomy of “own” – “alien” reflected in the lexical units of the Russian and English languages. Emphasis is placed on ethnic stereotypes that form the psychological attitude to the emotional and axiological (more often negative) perception of the “alien” and set the appropriate algorithm for selecting and interpreting the facts of interaction. Three degrees of ethnic alienation and the specifics of objects of ethnic assessment are considered emphasizing that the main “dimensions” of stereotypes and the identification of national character depend on the nature of relations between nations. The attitude of scholars to the concept of “national character” based on the opinion that representatives of one nation have common personality traits, types of thinking and behavioral models is ambiguous. Along with a fairly widespread recognition, there is a point of view that disputes its existence due to fear of stereotyping and political incorrectness. The variety of objects of ethnic evaluation indicates the significance of this problem and the presence of both Russian and English units to designate almost all concepts emphasizes the universality of this phenomenon and its identical representation in the language picture of the world of Russian and English peoples.

Keywords: own – alien, national character, ethnonym, picture of the world, stereotype, identity, ethnic picture of the world.

Введение

Современные исследователи особое внимание уделяют исследованию таких понятий, как этническая картина мира и этническое самосознание, поскольку они являются фундаментом построения языковой картины мира то-

го или иного народа [4; 14; 17; 21; 26]. Каждый народ имеет свое собственное видение окружающей действительности – это фундаментальная концепция этнической картины мира. Этническое самосознание, в свою очередь, есть «чувство принадлежности к определенному этносу, осознание своего отличия и сходства при сравнении с другими этносами, важный признак этнической общности, являющийся отражением в сознании людей реально существующих этнических связей и внешне проявляющийся в форме самоназвания, или этнонима» [20: 188].

Этнический стереотип формирует психологическую установку на эмоционально-ценностное (чаще негативное) восприятие «Чужого» и задает соответствующий алгоритм отбора и интерпретации фактов взаимодействия.

Историческое содержание бинарных оппозиций «я – другой», «мы – они», «свой – чужой», связанных с процессами конструирования идентичности, имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики формирующей их культуры и ее самосознания. Однако формирование данных понятий – это динамичный социальный процесс, обусловленный не только их взаимным соотношением, но характером самой эпохи, а точнее – конкретной исторической ситуацией и вектором ее развития. Есть время складывания стереотипов, их укоренения в культуре, и время их разрушения и формирования новых стереотипов взаимного восприятия [18: 18].

Чувство общности опирается не только на мифы коллективной памяти, оно также базируется на категоризации/стереотипизации образов «Других» в обыденном сознании, в котором бытует представление о том, что народы, как индивиды, обладают набором устойчивых качеств. В этой связи некоторые исследователи пытаются выделить черты, составляющие в своей совокупности структуру национального характера, описать психологический портрет того или иного народа и сравнить типические черты разных национальных характеров [18: 10].

Понятие «национальный характер»

Еще на рубеже 1960–70-х гг. И.С. Кон подчеркивал, что термин «национальный характер», впервые появившийся на уровне обыденного сознания в литературе о путешествиях, «не аналитический, а описательный» и, будучи призван «выразить специфику образа жизни того или иного народа», предполагает сравнение и фиксацию различий. Оригинальность его подхода состояла в понимании историчности национальной психологии, в том, «что те черты, которые воспринимаются как специфические особенности национального характера, определяются не природными способностями, а различием ценностных ориентаций, сформировавшихся вследствие определенных исторических условий и культурных влияний, как производные от истории и изменяющиеся вместе с нею <...> и в истории народа каждый этап исторического развития оставляет свои неизгладимые следы. Чем длиннее и сложнее путь, пройденный народом, чем больше качественно различных фаз он содержит, тем сложнее и противоречивее будет его национальный характер» [9: 318].

Отношение ученых к понятию «национальный характер», основанному на мнении о том, что представители одной нации имеют общие личностные черты, типы мышления и модели поведения, неоднозначно. Наряду с достаточно широким признанием бытует точка зрения, которая оспаривает его существование из-за опасения перед стереотипизацией и политической некорректностью.

Национальный характер – это эмпирически проверяемые, естественные кластеры специфических личностных черт, общих для данной этнической группы. Ю.В. Бромлей отмечал: «Культурное единство членов этноса неразрывно связано с наличием у них определенных общих черт психики, которые называют этническим, или, чаще, национальным характером. Характер в психологии определяется как совокупность основных, наиболее устойчивых психических черт человека. Поэтому национальный характер – специфические для данной этнической общности социально-психологические черты» [2: 106].

Э.А. Баграмов дает следующее определение национального характера: «Национальный характер – это отражение в психике представителей нации своеобразных исторических условий ее существования, совокупность некоторых особенностей духовного облика народа, которые проявляются в свойствах его представителям традиционных формах поведения, восприятия окружающей среды и которые запечатлены в национальных особенностях культуры, других сферах общественной жизни» [1]. В.В. Кочетков отмечает, что национальный характер соответствует «сравнительно прочно сохранившимся чертам личности и типам личности, являющимся модальными для взрослых членов данного общества» [10: 64].

Среди источников, дающих объективные сведения о национальном характере того или иного народа, С.Г. Тер-Минасова выделяет набор стереотипов, ассоциирующихся с данным народом. В. А. Маслова определяет стереотип как «тип, существующий в мире, он измеряет деятельность, поведение и т.д.» [13: 44]. Наиболее популярными источниками стереотипных представлений, по С.Г. Тер-Минасовой, являются 1) международные анекдоты и шутки разных видов; 2) национальная классическая художественная литература; 3) фольклор, устное народное творчество; 4) национальный язык [24, с. 147].

Основную культурную нагрузку несет лексика данного языка. Поскольку мир включен в выразительный языковой ресурс, очерченное лексическое пространство, содержательная характерологичность мира обусловлены свойствами языка [6: 267]. Именно язык реализует, вербализует национальную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. «Слово – не просто название предмета или явления, определенного «кусочка» окружающего человека мира. Этот кусочек реальности был пропущен через сознание человека и в процессе отражения приобрел специфические черты, присущие данному национальному человеческому сознанию, обусловленному культурой данного народа» [24: 48].

Оппозиция «свой» – «чужой»

Оппозиция «свои – чужие» складывается на разных уровнях. В обыденной жизни она возникает на основе коммуникативных критериев, подразумевающих возможность установления общения (языка, внешности, одежды, манер поведения) и восприятия внешних форм другой культуры. Но более глубокие контакты непосредственно затрагивают присущие каждой культуре картину мира, ценности, мировоззренческие установки: «В условиях развитого межнационального обмена преобладает система дифференцированных оценок, когда одни черты собственной этнической группы и ее культуры оцениваются положительно, а другие – отрицательно... люди в принципе способны критически отнестись к своей национальной культуре и положительно оценить что-то чужое» [9: 304].

Как справедливо отмечает Ю. С. Степанов, «противопоставление “свои – чужие” пронизывает, в разных видах, всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. (...). Мы должны говорить здесь не только о действительном, объективно существующем различии людей по линии “свои – чужие”, но и о тех мифологизированных, а подчас и просто фантастических формах, которые это различие приобретает в их сознаниях. А эта сфера, “свои – чужие”, – как раз такая, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и субъективным отражением в сознании» [23: 472].

В ходе нашего исследования выявлен следующий факт: смысловая структура этнонимов как в русском так и в английском языке, достаточно проста и может быть сведена к инвариантной формуле – «относящийся к данной стране, ее жителям, культуре». Однако, как показывают наши наблюдения, этнонимы обладают широким набором ассоциативных, когнитивно-оценочных и фоновых признаков, из которых можно составить этнический стереотип определенной нации.

Известно, что одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – «свой» и

«чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы – они», «этот – тот», «здесь – там», «близкое – далекое» и т. д.

По мнению отечественных исследователей, типична также и интерпретация основного (базового) противопоставления в аксиологическом, ценностном плане – в виде оппозиции «хороший – плохой», с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру [12].

Описывая различия между «своим» и «чужим», А.Б. Пеньковский отмечает, что «свой» мир – это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных в своей определенности для субъекта сознания и речи дискретных объектов, называемых собственными именами. «Чужой» мир – мир неподвижный, статичный и плоский. Это мир, в котором «нет дискретных объектов, и потому он воспринимается нерасчлененно – как речь на чужом языке» [16: 58]. Вероятно, именно данные психологические особенности восприятия «чужого» мира обусловили специфику оценочных коннотаций культурно-маркированных этнонимов.

Степень этнической отчужденности в русской и английской лексике

Образ «своего» как способ ориентации среди людей различных национальностей входит в структуру сознания члена каждой национально-исторической общности. Этот образ характеризуется положительной эмоциональной окрашенностью и положительным оценочным знаком.

Идеализированный, приукрашенный образ «своего» воплощает в себе не только положительное, но и положительное в высшей мере и степени. Данный образ является результатом воздействия на носителей данной национальной культуры со стороны предшествующих поколений и является одним из факторов данной культуры.

Как установлено в ходе анализа языкового материала, данное противопоставление «своего» и «чужого» в своем наиболее обобщенном виде ярко представлено в русских лексических единицах. «Своему» миру, «Руси», в значении «мир, белый свет», противопоставляется нерусь, ино- и чужеземцы, рассматривающиеся как существа из-за моря, с той стороны, с того све-

та, из-за рубежа, из другого пространства: *заморец, заморянин – заморский житель, иноплеменник; инородец или инородка – уроженец другого, чужого племени или наро-да; иностранец, иностранка – житель или выходец, путник из иного государства, земли; чужестранец – чужак или чуженин, человек из другой земли, другого государства; чуженин, чужбинин или чужбинник, чужень, чужак – чужой, сторонний, пришлый, пришлец.*

«Чужой» мир образует единую враждебную массу, состоящую из единиц, кажущихся абсолютно тождественными, что выражается, исходя из наших наблюдений, в использовании при описании «чужого» мира форм множественного числа с ярко выраженной отрицательной оценочностью (*нерусь – собир. инородцы, иноземцы, чужестранцы; басурманщина – всякий иноземец и иноверец в неприязненном значении, особенно азиатец или турок*).

Специфика значения этнонима состоит в том, что название этноса может сохранять следы событий, с ним связанных, и иметь пространственно-временные и информационные характеристики. Этноним фиксирует в своем значении разнообразные ассоциации, связанные с этносом, в том числе эмоциональные, эстетические, оценочные и символические.

Далее от обобщенного образа мира мы перейдем к более конкретному рассмотрению этнических оценок, т. е. этнических стереотипов, сложившихся у русских и англичан.

Они содержат «сложившиеся оценочные мнения о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей. Также объектами оценки могут стать не только привычки и традиции, но и отношение к одежде, еде и т. д.» [22: 10].

Анализ единиц с семантикой этнической оценки свидетельствует о том, что как в русском, так и в английском языке можно выделить различные степени этнической отчужденности. В русском языке, как иллюстрируют приведенные ниже примеры, они выражены следующим образом:

1. «Чужой» как русский житель другого города: *лапотник – прозвище жителей города Крестцов; чилимник – прозвище астраханцев.*

2. «Чужой» как украинец или сибиряк. Следует особо отметить, что здесь мы сталкиваемся с наличием взаимных прозвищ: *украинец – малоросс, хохол, корович; кацап, москаль – юж. пренебр. прозвище, данное малороссами великороссам (причем прозвище «москаль» включает в себя в основном прозвище русского военного); в Сибири русский – «не-сибирский», из европейской Руси, также сибиряки называют русских «блошниками» (так как в Сибири нет блох).*

3. «Чужой» как иностранец (европеец или азиат). Согласно нашим наблюдениям, данная группа подразумевает не только иноземство, но и иную веру. *Басурман – неверный, нехристианин, особенно мусульманин, всякий иноземец и иноверец в неприязненном значении, особенно азиат или турок, а также орда – бран. татарин, киргиз; осман, отоман – устар. турок; мурза – бран. татарин, бусурман.*

Анализ единиц, выражающих этническую оценку человека, свидетельствует о том, что собирательным именем для европейцев является единица «немец». *Немец – «не говорящий по-русски, всякий иностранец с Запада, европеец, в частности германец» [3: 562].* Кроме общего названия, также существуют отдельные наименования для европейских наций: *англосакс – англичанин; британец, брит – англичанин; сын Альбиона – высок., теперь шутол. и ирон. англичанин; шмерц – бран. немец; гадоед – француз.*

В рамках исследования единиц обозначенной семантики рассмотрим использующуюся в английском языке схему степени отчужденности:

1. «Чужой» как англичанин – житель другого города: *cousin Jacky – уроженец Корнуолла; sockney – кокни, коренной лондонец; Dicky Sam – уроженец Ливерпуля.*

2. «Чужой» как житель Британских островов (валиец, шотландец, ирландец). Отметим, что, как и в русском языке, в данной группе также наблюдается взаимное прозывание: *валиец – Taffy (derog), welsh goat, Welshie; ирландец – Micky, boglander, bogtrotter, Paddy (offensive), harp (derog.); шотландец – Jock, Scotchy, Sandy, red shanks, itchlander, Sawney, blue Cap; англичанин – bug (Irish), southron (Scottish).*

3. «Чужой» как житель колоний, переселенец (американец, канадец, австралиец, новозеландец): *американец – Brother Jonathan, Yankee, Uncle Sam; австралиец, новозеландец – kiwi, kangaroo, Aussi, Bill Jim.*

В особую группу, как свидетельствует анализ единиц с семантикой этнической оценки, можно выделить этнонимы, в которых подчеркивается и даже географически уточняется местожительство переселенцев: *Jonathan – шутл. американец (особенно из Новой Англии); cornstalk – разг. австралиец (особенно уроженец Нового Южного Уэльса); bluenoses – «посиневшие носы» (канадцы из Новой Шотландии).*

Таким образом было установлено, что в русских и английских номинантах можно выделить три степени отчужденности, которые в равной мере показывают отношение к «чужим» – жителям других городов, частей страны, других государств.

Специфика объектов оценки

Сравнение и оценка незримо присутствует в любых этнических и национальных стереотипах, это различие оценок обусловлено различиями в перспективе, в историческом опыте, включая и опыт общения с представителями соответствующей этнической группы. Будучи особыми социальными группами, нации и народности складываются, а затем существуют в течение длительных исторических периодов, вырабатывая уникальный набор механизмов и моделей адаптации, которые призваны ориентировать их поведение и деятельность в контексте тех или иных обстоятельств. Такого рода группа определяется по преимуществу особенностями социально-исторического опыта, его культурной памятью [18: 12].

Рассмотрим подробнее специфику объектов оценки. К ним относятся:

– особенности народного костюма (*колошник – кто ходит в калошах, например карелки, чувашки; малахайник – башикир, киргиз, кто носит шапки, малахай; red shanks – шотландец [red shanks – так назывались высокие ботинки со шнуровкой из невыделанной шкуры оленя мехом наружу, которые носили шотландцы]; blue Cap – разг. шотландец [blue cap – круглая плоская синяя шапочка, которую носили шотландцы]*);

– гастрономические предпочтения (*сомятник* – прозвище красноярцев [бран. кто ест сома]; *кашехлеб* – прозвище кириловцев, Новгородской губ.; *гадоед* – кто ест гадов, например калмыки и французы; *froggy* – француз);

– специфика характера и поведения (*Taffy* – пренебр. валиец [taffy – разг. грубая лесть, неуклюжий комплимент]; *Paddy* – разг. ирландец [paddy – приступ гнева, ярость]; *hogen togen* – устар. пренебр. голландец [hogen togen – важная персона]);

– особенности внешности (*Sandy* – шутл. шотландец [sandy – волосы песочного цвета]; *cornstalk* – разг. австралиец [cornstalk – дылда]);

– особенности интеллекта (*воть* – прм. вотяг [шутл. и бран. болван, дурак, разиня]; *Sawney* – стар. шотландец [sawney – простофиля, простак]);

– особенности рельефа, характера местности (*boglander/bogtrotter* – разг. ирландец [bog – болото]; *southron* – шотл. англичанин [south – юг], а также названия животных, специфичных для данной местности (*kiwi* – разг. новозеландец; *kangaroo* – шутл. уроженец Австралии) и торговцев/производителей определенных товаров (*лапотник* – кто плетет лапти, прозвище жителей города Крестцов; *шанежник* – кто торгует вразноску шаньгами [ватрушками], шутл. прозвище архангелогородцев; *колбасник* – бран. или шутл. прозвище немцев; *оливицк* – торговец маслинами, прозвище греков; *butter-bag/butter box* – прозвище голландцев [butterbox – масленка]; *a nation of shopkeepers* – нация лавочников, англичане [shopkeeper – лавочник]).

Особое внимание следует уделить использованию личных имен собственных для создания этнической оценки. Обретая вторичную номинацию, они становятся стандартными прозвищами, фиксирующими типичные черты этноса: *John Bull* – англичане, *Uncle Sam* – собир. американцы.

Становясь нарицательными, имена обозначают этнос в целом, синонимизируясь с соответствующими этнонимами. Они становятся типичными для этноса апеллятивами, которые исторически мотивированы собственными именами: *иван* – русский человек, *mickey* – ирландец (католик).

Заключение

Древнейшая система социальной категоризации – оппозиция «мы – они» («свои – чужие») – является культурной универсалией, присущей самосознанию любого типа общности, играет решающую роль в ее консолидации, обладает мощным мобилизующим потенциалом и имеет фундаментальное значение для раскрытия специфики любой культуры.

В центре внимания многих наук оказались сложные процессы складывания этнических представлений и формирования национальной идентичности, создание устойчивого образа «своего», что неизбежно предполагает наличие противоположного образа «чужого», от которого и происходит своего рода «отталкивание».

«Образ “чужого” складывается задолго до реальной встречи с этим “чужим” в процессе соединения архетипических представлений с впечатлениями повседневной жизни <...> Затем эти впечатления, чаще всего непреодолимые, дополняются и развиваются сведениями, полученными из книг и от других людей». «Встреча с другим», собственный опыт наблюдения и общения считается проверкой этих представлений, но при этом «чаще всего человек считает действительным и верным именно то, что он предполагал заранее и что нашло подтверждение при встрече с реальностью» [15: 9].

В результате исследования единиц, обозначающих этническую оценку, можно сделать вывод о том, что разнообразие объектов этнической оценки указывает на значимость данной проблемы, а наличие как русских, так и английских единиц для обозначения практически всех понятий подчеркивает универсальность данного явления и его одинаковое представление в языковой картине мира русских и англичан.

Список литературы

1. Баграмов Э. А. К вопросу о научном содержании понятия «национальный характер»: Доклад на IV международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1973.
2. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.

3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1995.
4. *Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т.* Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75-86.
5. *Ермолович Д. И.* Англо-русский словарь персоналий. М.: Русский язык, 1999.
6. *Ильин В. В.* Язык – Понимание – Культура // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 267-272.
7. *Катермина В. В.* Опыт коннотативного словаря русских и английских личных имен собственных. Краснодар: КубГУ, 1999.
8. *Катермина В. В.* Словарь образов-символов (на материале русского и английского языков). Краснодар: КубГУ, 2000.
9. *Кон И. С.* Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999.
10. *Кочетков В. В.* Психология межкультурных различий. М.: Пер Сэ, 2001.
11. *Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.
12. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
13. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
14. *Науменко Л. И.* Этническая идентичность. Проблемы трансформации в постсоветский период // Этническая психология и общество. М.: Старый сад, 1997. С.76–88
15. *Оболенская С. В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII – XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 160-185.
16. *Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики: 1985-1987 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1989. С. 54-83.
17. *Пименов В. В.* Этнология: предметная область, социальные функции, понятийный аппарат // Этнология. М.: Наука, 1994. С. 5–14.
18. *Ретина Л. П.* «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9-19.
19. Русский семантический словарь / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Азбуковник, 2000.
20. *Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г.* Этнология. М.: Высшая школа, 2002.

21. Саракуев Э., Крысько В. Введение в этнопсихологию. М. Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т, 1996. 342 с.
22. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурные и прагматические аспекты. Днепропетровск, 1988. С. 4–10.
23. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.
24. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
25. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Альта-Принт, 2005.
26. Хотинец В. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.

References

1. Bagramov, Je.A. (1973). *K voprosu o nauchnom sodержanii ponjatija «nacional'nyj harakter» [To the Question of Scientific Understanding of the Notion “National Character”]*. Moscow: Nauka [In Russian].
2. Bromlej, Ju.V. (1973)/ *Jetnos i jetnografija [Ethnos and Ethnography]*. Moscow: Nauka [In Russian].
3. Dal', V.I. (1995) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: V 4 t. [Explanatory Dictionary of the Russian Language]*. Moscow: TERRA [In Russian].
4. Doncov, A.I., Stefanenko, T.G., Utalieva, Zh.T. (1997). Jazyk kak faktor jetnicheskoj identichnosti [Language as a Factor of Ethnic Identity]. *Voprosy psihologii [Questions of Psychology]*, 4, 75-86 [In Russian].
5. Ermolovich, D.I. (1999). *Anglo-russkij slovar' personalij [English-Russian Dictionary of Personalities]*. Moscow: Russkij jazyk [In Russian].
6. Il'in, V.V. (2001) Jazyk – Ponimanie – Kul'tura [Language – Understanding – Culture]. In *Jazyk i kul'tura: Fakty i cennosti: K 70-letiju Jurija Sergeevicha Stepanova [Language and Culture. Facts and Values: to the 70th Anniversary of Yu. S. Stepanov]* (pp. 267-272). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury [In Russian].
7. Katermina, V.V. (1999). *Opyt konnotativnogo slovarja russkih i anglijskih lichnyh imen sobstvennyh. [The Experience of Connotative Dictionary of English Proper Personal Names]*. Krasnodar: KubGU [In Russian].
8. Katermina, V.V. (2000) *Slovar' obrazov-simvolov (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) [Dictionary of Image Symbols (Based on Russian and English languages)]*. Krasnodar: KubGU [In Russian].
9. Kon, I.S. (1999). *Sociologičeskaja psihologija [Social Psychology]*. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODJeK» [In Russian].

10. Kochetkov, V.V. (2001). *Psihologija mezhkul'turnyh razlichij [The Psychology of Intercultural Differences]*. Moscow: Per Sje [In Russian].
11. Kunin, A.V. (1984). *Anglo-russkij frazeologicheskiy slovar' [English-Russian Phraseological Dictionary]*. Moscow: Russkij jazyk [In Russian].
12. Lotman, Ju.M. (1996). *Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija [Inside Thinking Worlds. Person – Text – Semiosphere – History]*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury [In Russian].
13. Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologija [Linguistic Culture]*. Moscow: Akademija [In Russian].
14. Naumenko, L.I. (1997). *Jetnicheskaja identichnost'. Problemy transformacii v postsovetskij period [Ethnic Identity. Problems of Transformations in the Post-Soviet Period]*. In *Jetnicheskaja psihologija i obshhestvo [Ethnic Psychology and Society]* (pp. 76-88). Moscow: Staryj sad [In Russian].
15. Obolenskaja, S.V. (1991). *Obraz nemca v russkoj narodnoj kul'ture XVIII – XIX vv. [The Image of a German Person in Russian Folk Culture in XVIII-XIX Centuries]*. In *Odissej. Chelovek v istorii [Odyssey. Person in History]* (pp. 160-185). Moscow: Nauka [In Russian].
16. Pen'kovskij, A.B. (1989). *O semanticheskoj kategorii «chuzhdosti» v russkom jazyke [About Semantic Category “alien” in Russian]*, In *Problemy strukturnoj lingvistiki: 1985-1987 / AN SSSR, In-t rus. jaz.; otv. red. V. P. Grigor'ev [Problems of Structural Linguistics]* (pp. 54-83). Moscow: Nauka [In Russian].
17. Pimenov, V.V. (1994) *Jetnologija: predmetnaja oblast', social'nye funkicii, ponjatijnyj apparat [Ethnology: notion, social functions, terms]*. In *Jetnologija [Ethnology]* (pp. 5-14). Moscow: Nauka [In Russian].
18. Repina, L.P. (2012) *«Nacional'nyj haracter» i «obraz drugogo» [National Character and The Image of an Alien]*. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 39, 9-19 [In Russian].
19. *Russkij semanticheskij slovar' [Russian Semantic Dictionary]* (2000) (N. Ju. Shvedova ed.). Vol. 1. Moscow: Azbukovnik [In Russian].
20. Sadokhin, A.P., Grushevickaja, T.G. (2002). *Jetnologija [Ethnology]*. Moscow: Vysshaja shkola [In Russian].
21. Sarakuev, Je., Krys'ko, V. (1996). *Vvedenie v jetnopsihologiju [Introduction to Ethnic Psychology]*. Moscow: Akad. ped. i soc. nauk, Mosk. psihol.-soc. in-t [In Russian].
22. Sorokin, Ju.A., Markovina, I.Ju. (1988). *Ponjatie «chuzhoj» v jazykovom i kul'turnom kontekste [Notion of an Alien in Linguistic and Cultural Context]*. In *Jazyk: jetnokul'turnye i pragmaticheskie aspekty [Language: Ethnic, Cultural and Pragmatic Aspects]* (pp. 4-10. Dnepropetrovsk [In Russian].

23. Stepanov, Ju.S. (1997). *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. [Constants. The Dictionary of Russian Culture. Experience of Research]*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tyr [In Russian].

24. Ter-Minasova, S.G. (2000). *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. [Language and Intercultural Communication]*. Moscow: Slovo [In Russian].

25. Ushakov, D.N. (2005). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. [Explanatory Dictionary of the Russian Language]*. Moscow: Al'ta-Print [In Russian].

26. Hotinec, V. (2000). *Jetnicheskoe samosoznanie. [Ethnic Self-knowledge]*. Saint Petersburg: Aletejja [In Russian].

© Катермина В.В.

УДК 81'276.6

ББК 81.2-7

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

Р.Р. Вяселева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, raisa.vyaseleva@yandex.ru

М.Д. Короткова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, marusia454@rambler.ru

Е.А. Макшанцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, make-la@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема и специфика перевода юридической документации. Поскольку право и правоведение представляют собой важнейшие сегменты в жизни российского общества, которое живет во взаимосвязи и взаимодействии со многими иностранными сообществами, компаниями, корпорациями и частными лицами, изучение языка права и правоведения на современном этапе становится одним из приоритетных направлений лингвистики, называемым лингвоюристикой. Цель статьи – выявление лингвистической и правовой специфики работы переводчика с иноязычной юридической документацией для достижения наиболее адекватного перевода юридического текста. Методы: рассматривается вопрос адекватного перевода англоязычной юри-

дической документации на русский язык, используя описательный, сравнительно-исторический и сопоставительный методы. Основные выводы: переводчику, прежде всего, необходимо сравнить определения терминов в двух языках для достижения точного, адекватного перевода, найти подобные термины в русской правовой терминологии или описать те или иные правовые реалии при отсутствии корреляций. При работе переводчика с юридическими документами необходимо также учитывать специфику английской и русской терминологии для осуществления корректного перевода текста документов. Результаты: выявлен ряд особенностей юридической документации на английском и русском языках, авторы попытались решить задачу обнаружения некоторых несоответствий и отсутствия корреляций при переводе тех или иных юридических терминологических единиц и предложить пути решения данной проблемы, проведен сопоставительный анализ юридических документов.

Ключевые слова: лингвоюридика, перевод юридической документации, способы перевода, адекватный перевод, современная теория перевода.

SPECIFICS OF TRANSLATING ENGLISH LEGAL DOCUMENTS

Raisa R. Vyaselyova, ORCID 0000-0001-8759-6668, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, raisa.vyaseleva@yandex.ru.

Maria D. Korotkova, ORCID 0000-0003-2493-2745, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, marusia454@rambler.ru.

Elena A. Makshantseva, ORCID 0000-0002-2304-560, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, makela@list.ru.

Abstract. The article discusses the problem and characteristic features of the of legal documents' translation. As law and jurisprudence are an important segment of the society that interacts with many foreign communities, companies, corporations and scholars, learning and teaching the language of law at the present becomes one of the priority areas of linguistics – legal linguistics. The aim of the article is to identify linguistic and legal specifics of a translator's work with foreign language legal documents to perform adequate translation of legal texts. The authors describe the issue of adequate translation of English legal documents into the Russian language using a descriptive method, comparative and contrastive. Getting to work on translation of legal documents into the Russian language, a translator should, first of all, to find English equivalents for the terms for precise, adequate translation, to find partially equivalent terms and

deceptive cognates. When working with legal documents, a translator must also take into account their drafted forms in the English and Russian law. As a result, the authors found some formal differences of legal documents in the two languages and their linguistic dissimilarities.

Keywords: legal linguistics, translation of legal documentation, ways of translating, adequate translation, modern translation theory.

Введение

Исследование путей взаимодействия языка, права и культуры получает особую значимость в период интеграции культурных и национальных правовых систем. В условиях постоянно расширяющихся международных контактов особую значимость приобретает изучение текстов правовой документации. Язык права, тесно соприкасающийся с общественным сознанием и отчасти влияющий на его формирование, всегда являлся и является одним из фундаментальных основ официально-делового стиля. Перевод юридических текстов, правовых документов представляет собой довольно сложный процесс, при котором появляется необходимость применения особых подходов в работе переводчика. Переводчик должен обладать базовыми профессиональными знаниями не только языка перевода, но и лингвокультурных особенностей правовой сферы Великобритании и России, знать и понимать основные и специфические явления в области права обеих стран, т. е. быть обладателем широкого кругозора и знаний во многих сферах жизнедеятельности общества, как Объединённого Королевства, так и Российской Федерации.

Изучение языка правоведения в настоящее время является одним из направлений лингвистики, поскольку само право является неотъемлемой частью жизни общества. Изучение языка права, или языка закона в самых различных аспектах, по сути, является популярным направлением в языкознании, которое называется *лингвоюристика*. Существует смежная с ним дисциплина – *юрислингвистика*.

Термин *юрислингвистика* объединяет такие понятия, как *язык* и *право*. Это значит, что предметом исследования в данной области является специфическое функционирование языка в области права и не только. С.П. Хиж-

няк пишет: «В последнее время юридическая лингвистика использует положения и наработки лингвистических исследований, выполненных в рамках других направлений: социолингвистики, психолингвистики, политической лингвистики, теории перевода и межкультурной коммуникации» [12: 3].

В науке существует мнение, поддерживаемое рядом учёных языковедов о том, что юрислингвистика, несмотря на широкую представленность отдельных аспектов взаимодействия языка и права, представляет собой формирующуюся научную дисциплину [2: 4-11].

Обсуждение

Рассматривается проблема адекватного перевода англоязычной юридической документации на русский язык, которая с успехом может разрешаться при условии учета ряда специфических факторов, имеющих как в русской юридической терминологии, так и в английской. Прежде всего необходимо определить, что является юридическим термином, что представляет собой правовая терминология.

Терминология права относится к общественно-политической сфере, поскольку функционирует в сфере социальных отношений. Понятие социума, общественных отношений тесно связано с нацией, национальной культурой, образом жизни народа. Соответственно и терминологии права имеют как общие, так и специфические черты. В.П. Даниленко относит терминосистемы, подобные юридической, к естественно возникающим. Автор, в частности, пишет: «Терминология может возникать как в результате искусственного формирования научного направления, так и вследствие практической деятельности людей. В терминологиях последнего типа требования к терминам могут иными и не соприкасаться с реальным его использованием. В данном случае необходимо принимать во внимание не только сферу фиксации, но и сферу функционирования, в которой терминология изымается из рамок замкнутой системы и свободно вплетается в общелитературное изложение» [3: 43].

Терминологию права в основном составляет лексика общего употребления, в процессе функционирования которой в узкой специализированной сфере происходит терминологизация, и общее слово приобретает специфические черты термина [5: 52-53]. «Термин есть слово или словосочетание, ограниченное в употреблении группой людей, работающих в одной области производства» [6: 153-154]. Терминологи в данном случае могут выявить некоторые особенные свойства данного вида термина, такие как семантическая определенность, небезразличие термина к контексту, эволюция понятия при постоянстве языкового знака, системность термина [10: 28]. Данные черты термина, в описываемом случае юридического термина, требуют определённой доли внимания, знания «среды обитания», правил сочетаемости и так далее при переводе юридического документа.

Юристы и правоведаы дают свое понимание термина права: «Юридический термин – это слово (словосочетание), которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличающегося смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [13: 65].

Системность терминов права, т. е. принадлежность к юридической терминологии, наглядно демонстрирует специфичность данных терминологических единиц по сравнению с терминами многих иных отраслей наук. Соответственно русские и английские термины права не могут быть абсолютно идентичны друг другу.

«Общественно-политический, надстроечный характер правовой терминосистемы отражается в определенных свойствах юридической терминологической единицы. Среди этих свойств особенно важно отметить синонимичность, антонимичность, многозначность, коннотативность и оценочность. Таким образом, юридический термин во многих своих свойствах идентичен слову, он и есть слово, но особое, имеющее свои границы функционирования, свою область «жизнедеятельности», которая, в свою очередь, накладывает отпечаток на эти свойства» [5: 8].

Русская и английская терминологии права, имея несомненно общие черты (принадлежность к общественно-политической сфере, непосредственная связь и происхождение из общеупотребительной лексики и т.д.), в целом обладают рядом специфических особенностей, диктуемых как экстра-, так и интралингвистическими факторами (различие правовых систем Российской Федерации и Великобритании, правовых механизмов воздействия, организации общества, а также определенных национальных ценностей, самой языковой структуры и т. д.).

Следует отметить, что характер официальной юридической терминологии практически всегда, за некоторым исключением, обладает такой особенностью, как ярко выраженная национальная принадлежность, раскрывающая специфику исторического развития того или иного общества. Таким образом, каждому специалисту в области перевода английской юридической документации необходимо учитывать эту специфику как английской, так и русской терминологии.

Английская терминология подобно русской «...уходит своими корнями в дописьменный период языка, поскольку основу английского права в англосаксонский период составляли обычаи и традиции» [1: 164]. Само развитие английского права в корне отличается от российского.

Прецеденты, судебные решения, акты парламента, акты делегированного законодательства, статуты, обычаи и т. д. – все это относится к источникам данного права, то есть общего, или прецедентного права. Можно отметить одну существенную деталь – английское право имеет однородный характер. Здесь известные отрасли права выделены нечетко, практически все суды в стране имеют общую юрисдикцию.

Термины *доверительная собственность (trust ownership)* *встречное удовлетворение (consideration)*, *эстонпель (estoppel (лишение права возмещения))*, *берглари (burglary)*, *деликт (tort)*, *воздействие на личность (trespass to person)* представляют собой примеры использования общелитературных слов, подверженных терминологизации. Процесс терминологизации в основном происходит через переосмысление значения слова общего упо-

требления, хотя определенную долю терминологического корпуса составляют латинизмы и другие заимствования, пришедшие исторически из французского языка.

Кроме того, в английской терминологии, в отличие от русской, присутствует определенное число разговорных терминов (*colloquial terms*), зафиксированных в соответствующих словарях:

yellow contract – контракт о найме на работу, в котором есть пункт, где нанимаемый рабочий отказывается от членства в профсоюзе [14: 34];

joyriding – угон автомобиля ради забавы;

kangaroo – разговорный термин, обозначающий парламентскую практику, позволяющую председателю комиссии допускать обсуждение лишь некоторых поправок к законопроекту [15: 46].

Данная особенность отличает английские термины права, в то время как термины права в русском языке более сдержаны в выражении оценки и образности. Однако следует признать, что и ряд русских терминов права также содержит в себе коннотативный элемент значения, что продиктовано самой спецификой права, которое по своей сути аксиологично.

«Оценочность терминов права может быть обусловлена моралью, которая генетически связана с юридической сферой и является его фундаментом» [5, с. 135]. Здесь кроется еще одна трудность перевода юридических терминов. Хотя самые общие нормы морали не отличаются в разных обществах, система духовных ценностей во всяком обществе уникальна. Ср.: *private prosecution* (частное судебное преследование), *defect of the title* (порок титула).

Проведя, таким образом, такой анализ юридических терминологий английского и русского языков, можно приступить к рассмотрению проблем перевода английских терминов права на русский язык с учетом всей специфики системы английского общего права.

Теория перевода, разработанная современными учеными-лингвистами, основана на *коммуникативной модели перевода*, поскольку язык является основным средством обмена информацией между людьми. «Если же процесс общения осуществляется на разных языках, то можно говорить о межъязы-

ковой или двуязычной коммуникации, осуществляемой с участием посредника, то есть переводчика. Поэтому перевод будет рассматриваться только в широком контексте коммуникации, а именно в процесс обмена информацией между людьми, говорящими на разных языках и принадлежащими к разным культурам» [9: 13].

В разных источниках встречается много описаний перевода как акта межъязыковой коммуникации. Особое внимание этому вопросу уделяли как отечественные, так и зарубежные ученые, такие как В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Е.В. Бреус, Л.К. Латышев, О. Каде, А. Нойберт и другие.

В современной науке о переводе используются два термина – *переводоведение* и *теория перевода*. Как известно, в переводческой деятельности очень важно осуществлять перевод, применяя определенные знания и умения, а также навыки (полуавтоматическое и автоматическое выполнение определенных действий).

Основной задачей переводоведения несомненно является оценка качества перевода. «Чтобы сделать качественный перевод, нужно помнить о таких понятиях, как *эквивалентность*, *адекватность*, *адекватный перевод*, *норма перевода*. Говоря о требованиях к профессиональному переводу, необходимо заметить, что требования к различным текстам всегда неодинаковы. Перевод официально-делового документа имеет сильные отличия от перевода художественного текста. Вместе с тем необходимо выделить минимальный набор требований, применимых к любому переводимому тексту» [9, с. 48]. По авторитетному мнению ученых, занимающихся проблемой перевода, основной перечень критериев хорошего перевода текста, в том числе и юридического, непременно должен отражать «...эквивалентность перевода, соблюдение норм переводящего языка, прагматический аспект перевода» [9, с. 48-49].

При переводе юридических документов, а именно текстов государственных или международных актов, где перевод часто имеет правовой статус оригинала, точность передачи содержания касается не только семантического значения слова, хотя стоит отметить, что оно по своему комплексному

составу может различаться по языкам. Перевод терминов, всей содержащейся в тексте информации, структурной его организации также является чрезвычайно важным. Приблизительный перевод, а еще хуже, вольный, в отношении государственных, законных или других документальных актов категорически не допустим. Это неоднократно подчеркивает В. Н. Комиссаров в своей работе «Теория перевода (лингвистические аспекты)» [4: 87].

В процессе перевода того или иного текста переводчик должен успешно решить конкретную профессиональную задачу. Прежде всего необходимо точно определить назначение документа для перевода, т. е. определить прагматическую цель. Например, когда тому или иному заявителю необходимо сделать запрос об определенном лице за рубежом или обратиться в банк или органы опеки другой страны, то ему нужен профессиональный русский перевод ряда необходимых документов.

Транслитерация зарубежных терминов в большинстве случаев не решает задачи, так как не вносит ясности, и человек, не имеющий опыта в той или иной профессиональной сфере, может столкнуться с вполне определенной трудностью понимания переведенной информации. Таким образом, сама прагматическая цель и коммуникативная ситуация зачастую диктуют различные варианты адекватного перевода, например:

absorption account – поглощающий счет;

accept a bill for honor – акцептовать вексель для спасения кредита векселедателя;

monetary accommodation – денежно-кредитное урегулирование;

secured transactions – документально обеспеченная сделка;

negotiable instruments – платёжные средства.

После изучения некоторых примеров, становится понятным, что данные терминологические сочетания лексических единиц приобретают дополнительное терминологическое значение в большинстве случаев. В таких случаях переводчик должен применять все свои знания в данной сфере для осуществления качественного перевода.

Таким образом, необходимо отметить, что при письменном переводе специалист сталкивается со следующими проблемами: без непосредственного контакта с предполагаемым заказчиком перевода специалисту-переводчику следует определить возможное восприятие текста перевода заказчиком и, опираясь на эту оценку, принимать решения о возможности внесения в текст перевода тех или иных изменений.

After Wilson many courts assumed that exceptions to the knock and announce rule would need to be done on a case-by-case basis.

После решения по делу Уилсона многие суды предположили, что исключение к норме предварительного оповещения полицией перед проникновением в жилище с целью обыска, необходимо применять в случае индивидуального рассмотрения дел. (Добавление поясняющих фраз)

Basically, a “suit in equity” enjoyed more procedural flexibility, didn’t have a jury...

В основном, «иск, рассматриваемый по нормам права справедливости», имел большую процессуальную гибкость и не рассматривался на процессе с участием присяжных... (Добавление поясняющих фраз)

In New Mexico, the crime of burglary is defined by Section 30-16-3, which reads:

Burglary consists of the unauthorized entry of any vehicle, watercraft, aircraft, dwelling or other structure, movable or immovable, with intent to commit any felony or theft therein.

В Нью-Мексико преступление ночная кража со взломом определяется в Разделе 30-16-3, в котором говорится:

Ночная кража со взломом заключается в несанкционированном проникновении в любое транспортное средство, судно, воздушного судно, жилое помещение или другое сооружение, движимое или недвижимое, с намерением совершить тяжкое уголовное преступление или кражу в нем. (Добавление поясняющих фраз)

Переводчик должен учитывать коммуникативный эффект эмоционально-экспрессивной лексики в письменных фразах языка оригинала и то, как в

соответствующей коммуникативной ситуации будет выражаться та или иная информация, и специалисту в некоторых случаях необходимо будет учитывать возможное восприятие и ответную реакцию заказчика перевода.

Кроме того, переводчик должен четко осознавать различия стилевых требований, которые являются отражением разных культур, менталитета, ценностей, сложившихся в том и другом обществе, что особенно характерно для перевода английской юридической документации, поскольку юридическая терминология английского языка содержит большое количество коннотативно-заряженных лексических единиц.

В целях прагматической адаптации переводчик может изменить эмоционально-экспрессивную окраску слова, как правило, сделав тон высказывания менее образным, менее экспрессивным:

limping marriage – недействительный, но не *хромающий брак*;

guillotine – (*гильотина*) разговорный термин, обозначающий порядок фиксирования времени, предоставляемого для выступления при обсуждении какого-либо законопроекта на различных этапах его обсуждения;

death case – (*смертное дело*) дело, по которому законом полагается смертная казнь.

Данный пример ясно показывает более свободный характер выражения мысли, заключенной в том или ином документе, где может допускаться образность или даже экспрессия, что демонстрирует глагол *kill* (убивать). В русском языке это недопустимо.

Несмотря на жанрово-стилистические особенности текста языка оригинала, перед переводчиком стоит сложная задача, которую он не вправе проигнорировать – эквивалентность перевода. По утверждению В.Н. Комиссарова, «соблюдение всех нормативных правил, кроме нормы эквивалентности, носит более общий характер и является чем-то само собой разумеющимся, а степень верности оригиналу оказывается той переменной величиной, которая в наибольшей степени определяет уровень профессиональной квалификации переводчика и оценку качества каждого отдельного перевода» [4: 233].

При достижении цели адекватности перевода, переводчику следует избегать следующих типов ошибок:

- 1) смысловые/фактические ошибки – грубое искажение смысла;
- 2) неточности/вольности в передаче содержания;
- 3) нарушение норм языка перевода и узуса (низкое качество переводческой речи, буквализмы, нарушение правил сочетаемости слов и др.);
- 4) нарушение жанрово-стилистических норм переводческого языка;
- 5) невыполнение прагматической задачи перевода [7: 50].

Необходимо признать, что неточный перевод терминов сразу выявляется, особенно специалистами. Абсолютно точно должны быть переведены термины, которые имеют устойчивые соответствия в языке перевода:

the specific performance – исполнение в натуре;

administration of law / justice – отправление права / правосудия;

tipper – лицо, дающее внутреннюю информацию;

legal personality – правосубъектность;

skimming – преступление, при котором мошенники считывают данные вашей банковской карты во время того, как вы пользуетесь банкоматом;

persuasive authority – убедительный прецедент.

Многие исследователи описывали самые разнообразные компоненты переводческой компетенции, но полное описание этой концепции дал В.Н. Комиссаров: «В процессе создания профессиональной переводческой компетенции формируется своеобразная языковая личность, которая обладает рядом отличий от «нормальной», непереводческой личности. Эти отличия выявляются во всех главных аспектах речевой коммуникации: языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом» [4: 326].

Работая с самой разной методической литературой, связанной с проблемами перевода, можно утверждать, что переводческую компетенцию, возможно, следует трактовать как способность максимально полного и ясного понимания оригинального текста. А.Д. Швейцер определяет некоторые ее компоненты: «владение переводчиком двумя языками; умение переводить

и интерпретировать исходный текст и владеть техникой перевода. Также необходимо знать нормы языкового перевода, переводческих норм, которые определяют выбор стратегии перевода. Кроме того, переводчику нужно иметь представление о нормах стиля и жанра текста и определенного минимума фоновых знаний, развивать творческие способности к переводу» [11: 105].

Заключение

В сфере английской юридической документации также порой трудно точно и достоверно передать информацию на русском языке. Различия культурного, языкового плана, а также различие правовых и судебных систем естественно предусматривает, что переводчик умело использует знания специфики не только языка и юридической терминологии, но и юриспруденции, истории Англии, английской философской и политической мысли.

Официально-деловой стиль является довольно консервативным и самым устойчивым стилем не только в английском, но и в любом языке. Придерживаться норм делового стиля является неременной обязанностью переводчика, в противном случае перевод юридических документов может носить искаженный характер, что повлечет за собой определенные проблемы.

Список литературы

1. Батлер У. Нерсесянц В. История права: Англия и Россия. М.: Погресс, 1990.
2. Голев Н.Д. Постановка проблем на стыке языка и права. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-99a.html>.
3. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М.: Наука, 1971. С. 5-67.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990.
5. Макшанцева Е.А. Специфика оценочного компонента в структуре значения юридического термина (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
6. Максютин О.В. Переводческая ошибка в методике обучения переводу // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 1. С.49-51.

7. Пестова М.С. Анализ переводческих ошибок при переводе реалий // Перевод и сопоставительная лингвистика. Екатеринбург: Изд-во Уральский гуманитарный институт, 2012. С. 60-63.

8. Прохорова Н.П. Об эмоциональности термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 10970. С. 153-159.

9. Рыбин П.В. Теория перевода: курс лекций. М.: МГЮА, 2007.

10. Снетова Г.П. Русская историческая терминология. Калинин, Изд-во Калининск. гос. ун-та, 1984.

11. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. – 215 с.

12. Хижняк С.П. Основы юридической лингвистики. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011.

13. Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юридическая лит-ра, 1990.

14. A Dictionary of modern legal usage / Bryan A. Garner. New York; Oxford: Oxford univ. press, 1987.

15. Abraham L.S., Hawtrey S.C. A Parliamentary Dictionary. London: Butterworth & Company (Publishers) Limited, 1956.

References

1. Batler, U. Nersesyancz V. (1990). *Istoriya prava: Angliya i Rossiya [History of Law: England and Russia]*. Moscow: Progress [In Russian].

2. Golev, N.D. *Postanovka problem na sty`ke yazy`ka i prava [Statement of Problems at the Junction of Language and Law]*. Retrieved from <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-99a.htm> [in Russian].

3. Danilenko, V.P. (1971). *Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie oso-bennosti slov-terminov [Lexico-semantic and Grammatical Features of Terms. In: Issledovaniya po russkoj terminologii [Research on Russian Terminology]*. Moscow: Nauka, 5-67[in Russian]. .

4. Komissarov, V.N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty`) [Theory of Translation (Linguistic Aspects)]*. Moscow: Vyssh. shk. [in Russian].

5. Makshantseva, E.A. (2001). *Specifika ocenochного компонента v strukture znacheniya yuridicheskogo termina (na materiale russkogo i anglijskogo yazy`kov) [The specificity of the Evaluation Component in the Structure of the Meaning of a Legal Term (on the Material of Russian and English Languages)]*: Thesis. Saratov [in Russian].

6. Maksyutina, O.V. (2010). *Perevodcheskaya oshibka v metodike obucheniya perevodu [Translation Error in Methods of Teaching Translation]*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo*

pedagogicheskogo universi-teta [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 1, 49-51 [in Russian].

7. Pestova, M.S. (2012). Analiz perevodcheskix oshibok pri perevode realij [Analysis of Translation Errors when Translating Realities]. In: *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika* [Translation and Contrastive Linguistics]. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural Humanitarian Institute, 60-63 [in Russian].

8. Prokhorova, N.P. (1970). *Ob emocional'nosti termina* [About the Term Emotionality]. *Lingvisticheskie problemy nauchno-texnicheskoy terminologii* [Linguistic Problems of Scientific and Technical Terminology]. Moscow: Nauka, 153-159 [in Russian].

9. Rybin, P.V. (2007). *Teoriya perevoda: kurs lekcij* [Theory of translation: a course of lectures]. Moscow: MSLA [in Russian].

10. Snetova, G.P. (1984). *Russkaya istoricheskaya terminologiya* [Russian historical terminology]. Kalinin: Izd-vo Kalinin gos. un-t [in Russian].

11. Shvejcer, A.D. (1988). *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of Translation: Status, Problems, Aspects]. Moscow: Nauka.

12. Hizhnyak, S.P. (2011). *Osnovy yuridicheskoy lingvistiki* [Introduction to Legal Linguistics]. Saratov: Izd-vo FGBOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava» [in Russian].

13. *Yazyk zakona* (1990). [The language of law] A.S. Pigolkin (ed.). Moscow: Yuridicheskaya lit-ra [in Russian].

14. *Dictionary of Modern Legal Usage* / Bryan A. Garner (1987). New York; Oxford : Oxford univ. press [in Russian].

15. Abraham, L.S. and Hawtrey, S.C. (1956). *A Parliamentary Dictionary*. London: Butterworth & Company (Publishers) Limited [in Russian].

© Вяслева Р.Р., Короткова М.Д., Макшанцева Е.А.

УДК 811.11
ББК 81.2 Англ.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ ВОЕННОЙ СФЕРЫ

Н.Л. Варшамова, кандидат социологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратов, Россия, Саратовская государственная юридическая академия, k_english5@ssla.ru

К.В. Данилов, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратов, Россия, Саратовская государственная юридическая академия, danilov3@mail.ru

Е.В. Яшина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратов, Россия, Саратовская государственная юридическая академия, skrideone@gmail.com

Аннотация. Авторы рассматривают понятие эвфемизма, а также прагматические особенности эвфемизации в военной сфере. Цель работы – описать функции таких эвфемизмов как в синхронном, так и в диахронном аспекте и предложить их классификацию. Основными методами исследования являются семантический анализ словарных дефиниций, а также анализ сопутствующей контекстуальной информации. Выделено 11 тематических групп эвфемизмов, которые представлены в порядке уменьшения входящих в них единиц: «Война в целом, завоевание или оккупация отдельных территорий», «Ошибки и неудачи», «Гибель и ранения», «Военные операции», «Оружие, иные средства умерщвления и нанесения увечий», «Психологический настрой, личные качества солдат», «Бывшие враги, тайные союзники», «Террористические методы ведения войны», «Военные преступления», «Умаление возможностей врага и силы его оружия», «Переход на сторону врага». В качестве примеров приведены наиболее интересные, с точки зрения авторов, номинации. Наиболее продуктивные способы образования рассматриваемых эвфемизмов – генерализация и метафоризация, менее продуктивные – заимствования, поляризации, эпитеты и аллюзии. Все эвфемизмы военной сферы призваны смягчить в общественном и индивидуальном сознании негативные последствия войны.

Ключевые слова: эвфемизм, метафора, генерализация, заимствование, эпитет, тематическая группа, дискурс.

THE ENGLISH LANGUAGE MILITARY EUPHEMISMS

Nina L. Varshamova, ORCID 0000-0002-5347-5793, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, k_english5@ssla.ru

Kirill V. Danilov, ORCID 0000-0001-7616-6582, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, danilov3@mail.ru

Elena V. Yashina, ORCID 0000-0002-8996-3238, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, skrideone@gmail.com

Abstract. The authors examine the notion of euphemism alongside with pragmatic characteristics of the English language military euphemisms. The purpose of the study is to determine the reasons why such euphemisms appear both from synchronic and diachronic points. The authors also come up with the classification of the English language military euphemisms. The main methods include semantic analysis of the dictionary definitions as well as the study of the related contextual information. The English language military euphemisms fall into 11 lexical sets: “War in General, Conquest or Occupation of Territories”, “Mistakes and Failures”, “Death and Wounding”, “Military Operations”, “Weapons, Other Means of Killing and Maiming”, “Soldiers’ Mindset and Personal Traits”, “Former Foes and Secret Allies”, “Terrorist Warfare”, “War Crimes”, “Diminishing Enemy’s Strength and Opportunities”, and “Defecting to Enemy’s Side.” The most common ways of military euphemism formation are widening and metaphorical transfer. Borrowings, polarizations, epithets, and allusions are not that common. All the military euphemisms are supposed to smooth negative consequences of wars in people’s minds.

Keywords: euphemism, metaphor, widening, borrowing, epithet, lexical set, discourse.

Введение

Явление эвфемии уже длительное время привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов [4:54-57, 5:49-64, 8:123-137]. Когда мы хотим избежать слов, вызывающих неприятные ассоциации, а также возможного недопонимания, конфликтов и неловких ситуаций, мы используем эвфемизмы. Политики и военные всегда старались и стараются размыть границы между войной и миром, насилием и гуманностью. Эвфемизация в военной сфере позволяет замаскировать или смягчить неприглядные стороны военных действий и всего, что с ними связано. Она является одним из наиболее часто используемых языковых инструментов. С ее помощью слова

и словосочетания приобретают новые значения, а существующие испокон веков понятия – новую окраску. Эвфемизмы могут облегчить достижение политических и военных целей, служить той или иной идеологии. А.Л. Игнаткина указывает, например, что номинативные единицы английской общественно-политической терминологии «выступают как мыслительные модели для восприятия мира, призванные служить социально-политической концептуализации действительности» [1:231]. На наш взгляд, этой же цели служат эвфемизмы военной сферы.

А.С. Киселева указывает, что «к началу 1580 г. автор Д. Блаунт (George Blount) использовал термин «эвфемизм», определяя его как “a good or favorable interpretation of a bad word” – «хорошая или благоприятная интерпретация неприличных слов» (перевод А.С. Киселевой) [2:27]. В этой же работе А.С. Киселева приводит несколько более современных определений: «эвфемизм (от греч. euphēmia – воздержание от неподобающих слов, смягчённое выражение), замена грубых или резких слов и выражений более мягкими, а также некоторых собственных имен – условными обозначениями; эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными; косвенный термин, который используется говорящим, чтобы уберечь слушателя от возможного потрясения, смущения или расстройства; слова или выражения, которые косвенно относятся к некоторой неподходящей, неприятной или смущающей проблеме, чтобы она казалась более приемлемой; слово или выражение, используемое для того, чтобы заменить неприятное слово или выражение наиболее приемлемым словом или выражением» [2: 28-31].

Подробную лексико-семантическую классификацию эвфемизмов в русском языке составил Л.П. Крысин. Мы считаем, что она, с некоторыми незначительными поправками на особенности государственных устройств англоязычных стран, подходит и для английского языка. Л.П. Крысин подразделил сферы функционирования эвфемизмов на личные, касающиеся жизни и личности говорящего, адресата и третьих лиц, и социальные, касающиеся

отношений человека с другими людьми, с обществом, с властью: «1. Личные: некоторые физиологические процессы и состояния; определенные части тела, связанные с «телесным низом»; отношения между полами; болезни и смерть. 2. Социальные: дипломатия; репрессивные действия власти; государственные и военные тайны и секреты; деятельность армии, разведки, милиции, уголовного розыска и некоторых других органов власти; сфера распределения и обслуживания; отношения между различными национальными и социальными группами; некоторые виды профессий» [3: 389-400].

Что касается образования эвфемизмов, в английском языке выделяются следующие его способы: генерализация, метонимический перенос, метафорический перенос, поляризация, фразеологизмы, аллюзии, заимствования, эпонимии, вульгаризмы, персонофикации и эпитеты [6:50]. Мы также обнаружили один случай образования эвфемизма при помощи эллипсиса: неприятное упоминание о войне опускается, но фраза остается понятной в силу реалий времен Второй мировой войны.

Прагматические особенности эвфемизации в военной сфере

В течение многих веков и особенно с начала XX века слова и выражения, относящиеся к войне, сопровождают социальные изменения и технический прогресс, трансформирующий вооруженные силы, их возможности и роль в мировом масштабе. Большинство из них понятны даже невоенному человеку.

Основные послы эвфемизмов военной сферы – «все не так страшно, у нас благие цели, недостатки единичны». Например, военное присутствие СССР в Афганистане Советский Союз позиционировал как оказание помощи и интернациональный долг, а в США это воспринималось как агрессия. В обоих случаях имелись в виду военные действия на территории иностранного государства, но с совершенно разными подтекстами. *Помощь и интернациональный долг* – типичные эвфемизмы, способствовавшие идеологическому манипулированию и введению граждан в заблуждение.

Материал для нашего исследования получен методом сплошной выборки из словаря эвфемизмов Холдера [7:1-178]. Поскольку объем данной работы лимитирован, мы ограничились словарными статьями от А до

Г включительно и выявили 57 эвфемизмов, относящихся к самым разным аспектам реальных боевых действий. Анализ их семантики и контекстуальной информации позволил выделить 11 тематических групп эвфемизмов военной сферы.

1. Война в целом, завоевание или оккупация отдельных территорий – 14 единиц (24,5%).
2. Ошибки и неудачи – 8 единиц (14%).
3. Гибель и ранения – 7 единиц (12,2%).
4. Военные операции – 7 единиц (12,2%).
5. Оружие, иные средства умерщвления и нанесения увечий – 6 единиц (10,5%).
6. Психологический настрой, личные качества солдат – 5 единиц (8,7%).
7. Бывшие враги, тайные союзники – 4 единицы (7%).
8. Террористические методы ведения войны – 2 единицы (3,5%).
9. Военные преступления – 2 единицы (3,5%).
10. Умаление возможностей врага и силы его оружия – 1 единица (1,7%).
11. Переход на сторону врага – 1 единица (1,7%).

Наиболее многочисленной является первая группа. Эвфемизмы данной группы описывают войну и захват территорий как обыденное, нейтральное событие, в котором нет ничего опасного или противозаконного. Приведем несколько примеров.

1. *Absorption – a military conquest*. Имеет место метафорическое переосмысление химического термина. Пример из текста 1995 года: “These measures, together with the 'absorption' of the Baltic states in the north, advanced the western frontiers of the Soviet Union by hundreds of miles.”

2. *Adventure – a war*. Снова метафорический перенос. Обычно используется для описания военного конфликта, в котором агрессор ожидает легкой победы. Пример из перевода речи Геббельса 1945 года: “Stalin will not allow himself to be dragged into the Pacific adventure.”

3. *Anschluss – a military conquest*. Слово заимствовано из немецкого языка, в котором использовалось для описания насильственного включения Ав-

стрии в состав фашистской Германии в 1938 году. Является эвфемизмом как в немецком, так и в английском языке. Пример из текста 1984 года: “After justifying the Anschluss of Austria... he denied that he had broken the Munich agreement by occupying Prague.”

4. *Ceasefire – a continuation of fighting*. Антонимическое переосмысление слова (поляризация). Используется, когда противники действуют по разным правилам, особенно если политики хотят создать впечатление, что вражда подходит к концу. Пример из текста 1992 года: “Lord Carrington will negotiate no more ceasefires in Bosnia until the warlords there have reached stalemate or exhaustion, he announced yesterday.”

5. *Conflict – a war*. Генерализация. Слово в эвфемистичном значении стало популярным во время Корейской войны (1950-1953) и используется до сих пор.

6. *Duration – the time occupied by the Second World War*. Эллипсис, о котором мы упоминали выше: во фразе “duration of the war” британцы имели обыкновение опускать “of the war”, особенно когда время окончания Второй мировой войны и ее исход предугадать еще было нельзя. Пример из текста 1981 года: “you'd never get back to England. You'd be stuck there for the duration.”

Следующей по численности является тематическая группа «Ошибки и неудачи». Эвфемизмы военной сферы направлены на то, чтобы описать эти ошибки и неудачи максимально нейтрально.

1. *Bug out – (American) to retreat*. Глагол из сленга американских военных со значением «быстро уходить». Генерализация. Эвфемизм получил распространение во время Корейской войны. Пример из текста 1987 года: “‘Bug-out fever’, the urge to withdraw precipitately in the face of the slightest threat from the flank...”

2. *Collateral damage – killing or wounding civilians by mistake*. Метафорическое переосмысление междисциплинарного термина, который в медицине имеет значение «побочный эффект», а в бизнесе – «дополнительный ущерб». Пример из текста 1989 года: “What an odd term, he thought. Collateral damage. What an off-hand way of condemning people whom fate had selected to be in the wrong place.”

3. *Defensive victory – the postponement of defeat*. Поляризация. Используется, чтобы скрыть неминуемое поражение. Пример из перевода речи Геббельса. Цель – поднять боевой дух немцев весной 1945 года: “On the Cowland front, a complete defensive victory was secured yesterday.”

4. *Fratricide – inflicting casualties by mistake on your own troops*. Эвфемистичность достигается за счет того, что слово заимствовано из латинского языка и не является общеупотребительным. Пример из текста 1992 года: “It is very difficult to avoid blue-on-blue, or fratricide, as the Americans call it.” Существует и «более англоязычный» метафоричный эвфемизм с тем же значением (*friendly fire*), совершенно не отражающий суть явления.

По семь единиц насчитывается в двух следующих группах – «Гибель и ранения» и «Военные операции». Эвфемизмы первой из них также максимально отдалают реципиента информации от существа событий.

1. Шутливая метафора *catch a packet – to be killed or severely wounded*. Имеется в виду удар чем-то массивным вроде шрапнели. Примечательно, что словосочетание употреблялось в этом значении во время Первой мировой, затем стало означать “getting into trouble”, а затем, во Вторую мировую, расширило свое значение («сильно разбомбленный город или подразделение, подвергшееся серьезной атаке»). Пример из текста 1978 года: “The same thing's happening to the 2nd Northants, they've caught a packet too.”

2. С помощью генерализации образован еще один ложно ориентирующий эвфемизм – *combat ineffective* со значением *dead, seriously ill, or badly wounded*. На первый взгляд, речь идет о непригодном для боя оружии, а имеются в виду люди. Пример из текста 1987 года: “If he became combat ineffective, a subtle way of saying wounded or killed.”

3. Эвфемизм-эпитет *expended (killed)* чрезвычайно циничен по своему послы. К солдату относятся как к расходному материалу, к тому, что можно «потратить». *Expendable* – количество солдат, которое командование может позволить себе потерять убитыми или ранеными. Пример из текста 1978 года: “You're what they call ‘expendable’.” Эвфемизмы *fallen* и *give your life*, наоборот, возвышают смерть на поле боя и героизируют погибших.

Эвфемизмы обозначающие военные операции – это метафоры и генерализации с позитивным или нейтральным посылом: поддержка, очистка, вычесывание дезинфекция и т.п.

1. *Air support – an attack from aircraft*. Часто используемое словосочетание для обозначения поддержки войск с воздуха. Расширение значения, поскольку буквально имеется в виду воздушное обтекание летательного аппарата, не позволяющее ему упасть.

2. *Comb out – to massacre*. Так немцы описывали свое обращение с советскими гражданами. Пример из текста 2000 года: “... anti-partisan operations resulted in the deaths of a quarter of a million Russian civilians as a given area was encircled and then ‘combed out’, a euphemism for lining up the inhabitants of villages and shooting them.”

3. *Counter-attack – an unprovoked aggression*. Антонимический эвфемизм (поляризация) в случае отсутствия провоцирующей атаки со стороны противника. Пример из текста 1984 года, посвященного вторжению нацистов в Польшу в 1939 году: “Thus did the Nazi dictator and his cohorts in Berlin see the German 'counterattack' on Poland become a European war.”

Группа «Оружие, иные средства умерщвления и нанесения увечий» демонстрирует уже описанные выше тенденции и способы образования эвфемизмов: метафорическое переосмысление безобидных понятий (*bath-house – a chamber for mass killing*), ложно ориентирующие «успокаивающие» эпитеты (*conventional – not involving nuclear or germ warfare*), генерализация (*electric methods – torture*).

Группа «Психологический настрой, личные качества солдат» также не добавляет ничего принципиально нового: стресс от боевых действий – это усталость (*combat fatigue – an unwillingness or inability to continue fighting*), неопытный солдат американских оккупационных сил в Японии сравнивается с деревенщиной-ковбоем (*Ginza cowboy – an ineffectual soldier*), а дезертир просто ушел за холм (*go over the hill – to escape or desert*).

Эвфемизмы группы «Бывшие враги, тайные союзники» имеют целью устранить негативные ассоциации, связанные с нахождением лица (группы лиц) в стане врага в прошлом или в настоящем.

1. *Co-belligerent – a former enemy helping a conqueror in continuing war.* Генерализация. Пример из текста 1965 года: “By 1943, when Italy tried to change sides, COLLABORATOR had become pejorative, and so ... the word 'co-belligerent' was invented to proclaim the new status.”

2. *Constructed – conquered or recaptured.* Американский эвфемизм-эпитет времен войны во Вьетнаме. Пример из текста 1967 года: “A 'constructed' hamlet meant not a newly built one but a former Viet Cong hamlet that had been worked over politically.”

3. *Fraternization – copulation with enemy civilians in military occupied territories.* Дословно «братание», метафора. Пример из текста 1981 года о детях немецких солдат, родившихся на оккупированных во время Второй мировой войны территориях: “Relics of the Great Fraternization Period, you know.”

Группа «Террористические методы ведения войны» насчитывает две единицы.

1. *Armed struggle – terrorism.* Эвфемизм из лексикона ирландских террористов. Пример из текста 1992 года: “... you go saying I'm in the Armed Struggle, then you've got real trouble.”

2. *Freedom fighters – terrorists.* Пример из текста 1979 года: “We are not murderers... we are freedom fighters against international imperialism.”

Группа «Военные преступления» представлена двумя британскими эвфемизмами:

1. *Fizzer – an accusation of a military offence.* Метафора. Армейский сленг с буквальным значением «неудача, фиаско». Пример из текста 1991 года: “I'll put you on a fizzer!” Vince shouted as he went and took over from Stan on the Minimi.”

2. *Glasshouse – an army prison.* Вполне вероятно, что это аллюзия к армейской тюрьме со стеклянной крышей в городе Олдершот, или сравнение с теплицей обусловлено тем, что в тюрьме, фигурально выражаясь, «жарко».

В группах «Умаление возможностей врага и силы его оружия» и «Переход на сторону врага» по одному эвфемизму. Есть основания полагать, что их больше, равно как и эвфемизмов других групп. Таким образом, можно говорить именно о группах.

1. *Bog(e)y – a military foe*. Метафора. Самолет противника, который уничтожительно сравнивается с тележкой или пугалом. Пример из текста 1992 года: “... the target identification aircraft, which could vector the fighter bombers on to any bogey approaching on their radar screens.”

2. *Collaborator – traitor*. Генерализация, буквальное значение «работающий совместно». Пример из текста 1960 года: “The English so often have these unknown French friends... Collaborators one and all.”

Выводы

Рассмотренные нами эвфемизмы военной сферы образованы преимущественно посредством генерализации и метафоризации. В меньшей степени продуктивны заимствования, поляризации, эпитеты и аллюзии. С их помощью война предстает относительно безобидным делом с высокими целями. Неудачи единичны, смерть, ранения, стресс и неопытность новобранцев – неизбежный побочный фактор, с которым следует смириться. Погибшие и раненые либо деперсонифицируются, либо героизируются. Не принято вспоминать о предателях и дезертирах, равно как и о прошлом бывших врагов. Можно предположить, что малочисленность четырех последних групп обусловлена рядом причин. Терроризм – деятельность всегда порицаемая, в отличие от войны иного рода, которая значительно чаще может восприниматься как справедливая и оправданная. Как следствие, такие эвфемизмы используют сами террористы, лица им симпатизирующие или желающие скрыть истинное положение дел. Военные преступления также осуждаются в общественно-политическом дискурсе, причем речь идет о деяниях, преступных по отношению к «своим», но не к «чужим». То же самое касается и предательства, сотрудничества с врагом. Умаление возможностей врага опасно, это мешает объективно оценить расстановку сил.

Список литературы

1. *Игнаткина А.Л.* Лингвокультурные аспекты формирования английской общественно-политической терминологии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2016. № 5 (112). С. 230-235.
2. *Киселева А.С.* Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе (структурно-семантический и прагматический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 240 с.
3. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 389-400.
4. *Никитина И.Н.* Социальные эвфемизмы в современных русском и английском языках // Вестник волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 7. С. 54-57.
5. *Никитина И.Н.* Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспективы исследования // Вестник волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 1. С. 49-64.
6. *Салахутдинова Г.Н., Шигапова Ф.Ф.* Лексико-семантические способы образования эвфемизмов в английском языке // Terra Linguae. Сборник научных статей. Казань: ООО «Издательство ТАИ», 2015. С. 48-51.
7. *Holder R.W.* (2007) *A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean.* New York: Oxford Univ. Press, 2007.
8. *Kiš M.* Euphemisms and Military Terminology. Hieronymus. 2014. № 1. С. 123-137.

References

1. Ignatkina, A.L. (2016) Lingvokul'turnye aspekty formirovaniya angliyskoy obshchestvenno-politicheskoy terminologii [Linguistic and Cultural Aspects of English Political Terminology Formation]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin]*, 5 (112), 230-235 [in Russian].
2. Kiseleva, A.S. (2015) *Funktsionirovanie evfemizmov v sovremennom angliyskom voenno-politicheskom diskurse (strukturno-semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty) [Functioning of Euphemisms in Modern English Military and Political Discourse (Structural, Semantic, and Pragmatic Aspects)] dis. ... kand. filol. nauk [Philological Candidate's Dissertation]*, Moscow [in Russian].

3. Krysin, L.P. (2000) Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi [Euphemisms in Modern Spoken Russian]. In *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) [The Russian Language of the Late 20th Century (1985–1995)]* (pp. 389–400). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury [in Russian].

4. Nikitina, I.N. (2011) Sotsial'nye evfemizmy v sovremennykh russkom i angliyskom yazykakh [Social Euphemisms in Modern Russian and English Languages] *Vestnik volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva [Bulletin of Volzhsky University Named After V.N. Tatishchev]*, 7, 54–57 [in Russian].

5. Nikitina, I.N. (2009) Evfemiya v zarubezhnoy i otechestvennoy lingvistike: istoriya voprosa i perspektivy issledovaniya [Euphemisms in Foreign and Russian Linguistics: Background of the Issue and Prospects for Research] *Vestnik volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva [Bulletin of Volzhsky University Named After V.N. Tatishchev]*, 1, 49–64 [in Russian].

6. Salakhutdinova, G.N., & Shigapova F.F. Leksiko-semanticheskie sposoby obrazovaniya evfemizmov v angliyskom yazyke [Lexical and Semantic Means of Euphemisms Formation in the English Language]. In *Terra Linguae* (pp. 48–51). Kazan: TAI [in Russian].

7. Holder, R.W. (2007) *A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean*. New York: Oxford Univ. Press, 2007.

8. Kiš, M. (2014). Euphemisms and Military Terminology. *Hieronymus*, 1, 123–137.

© Варшамова Н.Л., Данилов К.В., Яшина Е.В.

УДК 81'276.6

ББК 81.2-7

МЕТАФОРА В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА

И.И. Дубровина, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, iidubrov@yandex.ru

С.А. Саковец, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, sakovetssa@yandex.ru

Аннотация. Авторы обращаются к проблеме способов перевода метафоры в юридическом дискурсе, как виде специального дискурса, относящегося к определённой профессиональной деятельности и обуславливающего отбор языковых средств. Немецкоязычный юридический дискурс характеризуется многоуровневой коммуникацией в сфе-

ре права. Метафора рассматривается как сложное языковое явление, как языковой феномен, соотносящийся с некоторой концептуальной моделью действительности, обуславливающей мышление человека. Она отражает национально-культурные особенности концептуализации действительности представителями различных лингвокультурных общностей. Целью представленной работы является анализ и обобщение литературы по теории метафоры, юридического дискурса, теории перевода в аспекте возможных приемов перевода юридической метафоры на ПЯ⁵. Актуальность предпринятого исследования обусловлена обращением к юридическому дискурсу как сфере функционирования юридической метафоры. Анализ и изучение лингвистики юридического дискурса детерминирован взаимодействием национальных правовых систем, что обуславливает активное изучение иностранного языка и необходимость перевода юридических текстов. Выбор приемов перевода метафоры обусловлен спецификой профессиональной деятельности, социальным, культурным и ситуативным факторами. К стратегиям перевода юридической метафоры можно отнести: знание норм создания текстов юридического дискурса в ИЯ⁶ и ПЯ, жанровой специфики специального дискурса, коммуникативного задания автора, социокультурных аспектов межкультурного общения в сфере права, ситуации общения.

Ключевые слова: метафора, юридический дискурс, специальный дискурс, приемы перевода, ономазиология, семантика

METAPHOR IN THE LEGAL DISCOURSE: TRANSLATION METHODS

Irina I. Dubrovina, ORCID ID 0000-0003-0682-1179, Saratov State University, Saratov, Russia, iidubrov@yandex.ru.

Svetlana A. Sakovets, ORCID ID 0000-0001-5154-7629, Saratov State Law Academy, Saratov, sakovetssa@yandex.ru.

Abstract. The authors look into the problem of translating metaphors in the legal discourse, viewed as a specific kind of discourse belonging to a certain area of professional activity and conditioning the use of specific language. German legal discourse is characterized by the multi-level communication in the field of law. Metaphor is a complex linguistic phenomenon, related to a certain conceptual model of reality and influencing the way of thinking. It reflects linguistic and cultural features of conceptualizing the reality by representatives of different linguistic communities. The purpose of the paper is to analyze and summarize the literature on the theory of metaphor, legal discourse in the light of the methods of translating legal metaphor into

⁵ ИЯ – исходный язык.

⁶ ПЯ – переводящий язык.

the target language. The relevance of the research is due to studying legal discourse as a sphere of the legal metaphor functioning. The analysis and study of legal discourse linguistics stem from the national legal systems' interaction that causes an active study of a foreign language and a demand for legal texts translation. The choice of the methods of translating metaphors depends on the kind of professional activity, historic, social, cultural and situational factors. The strategies of legal metaphors translation depend on knowledge of the norms of legal discourse formation in the original and the target languages, specifics of the discourse genre, the author's communicative task, socio-cultural aspects of the intercultural communication in the field of law, and communication situation.

Keywords: metaphor, legal discourse, special discourse, translation methods, onomasiology, semasiology

Введение

В лингвистической литературе метафору относят к фундаментальному свойству языка, а метафорическую систему рассматривают как мощное средство понимания и осмысления действительности. Характерным для метафоры является ее полифункциональность и многозначность. К функциям метафоры относят номинативную функцию (идентифицирующую, классифицирующую), когнитивную функцию, рассматривая ее как инструмент познания и категоризации человеком окружающей действительности, прагматическую (интеллектуального, эмоционального воздействия) и коммуникативную (средство передачи информации) функции.

Словесная метафора рассматривается как вторичная ономаσιологическая функция слова. Метафорическое значение характеризуется прагматическим компонентом, расплывчатостью семантических границ, имплицитным характером содержания [10, с. 99]. Особо подчеркивается контекстуально и ситуативно обусловленный характер семантики метафоры, так как вторичные переносные обозначения образуют некую семантическую область с вероятностной структурой. Именно в речи учитываются конкретные условия номинации, совершается отбор, связанный с ситуацией общения. Переносное обозначение семантизируется по определенным правилам [10, с. 99; 3, с. 26]. По особенностям их речевой семантики словесные метафоры относят

к знакам остенсивной семантики. С позиций ономаσιологической лексикологии метафору относят к транспозиционной номинации (термин В.П. Даниленко), или транспонированной номинации, заключающейся в отборе языковых средств на основе сходства обозначаемого явления с другим [3, с. 30].

Метафора отражает национально-культурные, специфические особенности концептуализации действительности представителями различных лингвокультурных общностей. Являясь образным сравнением, «метафора поставляет мышлению список возможных альтернатив для разрешения проблемной ситуации. Для политического дискурса это оказывается настолько важным, что ошибки и неточности в переводе метафорических моделей могут существенно исказить коммуникативную установку автора ИТ⁷» [1, с. 156].

Обращение к проблеме способов перевода метафоры в юридическом дискурсе обусловлено сложностью данного языкового явления, функционирующего в особой концептуальной зоне, и его перевода на ПЯ. Целью представленной работы является анализ и обобщение литературы по теории метафоры, юридического дискурса, теории перевода в аспекте возможных приемов и алгоритма перевода метафоры на ПЯ. Языковым материалом послужили примеры, извлеченные из текстов юридического дискурса методом сплошной выборки.

Метафора в юридическом дискурсе

Под дискурсом понимается «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [13, с. 111]. Юридический дискурс – это нормативные тексты, научно- и учебно-правовые, тексты судопроизводства, юридические документы, речевое взаимодействие в рамках судопроизводства (речи судей, адвокатов, прокуроров, показания участников су-

⁷ ИТ – исходный текст.

дебного процесса) и вне его. Юридический дискурс – институциональный вид дискурса, коммуникация/взаимодействие в рамках сложившихся в обществе институтов (применительно к юридическому дискурсу – прокуратура, суд, парламент, адвокатура, нотариат, полиция), определяется по: статусно-ролевым характеристикам участников общения (судья – обвиняемый, адвокат – обвиняемый, судья – адвокат и др.); цели общения (выявление обстоятельств совершения преступления, установление вины или невинности подозреваемого и др.); прототипному месту общения (тюрьма, зал судебных заседаний и др.) [6, с. 63].

В дидактике перевода выделяют также специальный дискурс, основанный на текстах по специальности. Это тексты, относящиеся к различным жанрам и стилям, но к определенной профессиональной деятельности.

Юридический дискурс – это дискурс аргументативного типа, характеризующийся высокой степенью ритуальности и жесткой композиционной структурой [8, с. 13]. Немецкоязычный юридический дискурс характеризуется коммуникацией в сфере права, включающей законодательную, судебную, исполнительную сферы, коммуникацию среди непрофессионалов и экспертов по другим специальностям, а также в сфере права европейского союза [14, с. 5]. Многоплановость рассматриваемой коммуникации выражается в трех ее уровнях: публичное право и частное право; сфера государственного разделения властей (законодательная, исполнительная, судебная власть); непрофессионалы и эксперты в области права и других областях. В свою очередь типы правовых текстов делятся на тексты законодательной сферы (закон, предписание, административное предписание, устав, решение, государственный договор и т. д.) и толкования законов (комментарий к закону, комментарий к приговору в специальной литературе, экспертиза); тексты отправления правосудия (обвинительное заключение, документы, подготовленные адвокатом в ходе процесса, речь в суде, протокол суда, повестка, протокольная запись в деле, акты, удостоверения, экспертизы, заявления, возражения, протест, присяга, иск, конституционная жалоба, завещание), судопроизводства (приговор суда, решение, постановление, распоряжение),

правоохранительной деятельности (показания, решение, предписание, приказ об аресте, ордер на обыск, исполнительный лист, предписание о принудительном исполнении решения, порядок обеспечения, мировое соглашение); деятельность в сфере договорного права (договор, устав, регламент) и нотариального засвидетельствования (удостоверение, засвидетельствование, свидетельство, подтверждение, внесение (в реестр), завещание), а также научные труды по юриспруденции и в сфере образования (учебники, научные труды, комментарии к приговорам, юридическое заключение, словари по юриспруденции, обзор судебной практики, учебные тексты).

Современный немецкий язык права характеризуется простотой, точностью, ясностью изложения, основной целью которого является донести до адресата смысл правовой нормы, организованная дискуссия, поиск и принятие решения.

Юридическую метафору, функционирующую в профессиональной сфере деятельности и используемую как наиболее компактное средство выражения мысли, определяют как сложный когнитивный феномен [4, с. 6]. А.Ф. Черданцев характеризует метафору как «средство юридической техники, преследующей цели законодательной экономии» [12]. Это прежде всего лексика юридического дискурса, отражающая императивность и рекомендательность, это «лексемы, заимствованные из других профессиональных областей знания (профессионализмы, жаргонизмы) или из живого языка. Последние, как правило, имеют эмоционально-экспрессивную окрашенность, связанную с оценочными характеристиками социума, что позволяет юридической метафоре, с одной стороны, увеличивать свой семантический потенциал в рамках специального дискурса, а с другой – быть узнаваемой и понятной для большинства членов лингвокультурного сообщества» [4, с. 3].

Наряду с номинативной (образование юридических терминов), когнитивной (познавательной) функциями, функцией эмоционального воздействия, лингвистами выделяются аргументативная функция как средство убеждения в правильности выдвигаемых тезисов и постулатов, а также регу-

лятивная, информативная, коммуникативная, интерпретационная, кумулятивная, кодовая [11, с. 536].

Структурно юридическая метафора характеризуется наличием лексемы профессионального дискурса и лексемы литературного дискурса.

Стратегии перевода метафор

Общеизвестно, адекватный перевод подразумевает передачу стиля ИТ на ПЯ, т. е. отбор лексико-грамматических средств, соответствующих функционально-коммуникативной направленности ИТ. Перевод метафоры «во многом зависит от того, насколько близки или далеки друг от друга культурно-речевые традиции ИЯ и ПЯ» [19, с. 168]. При передаче содержания на ПЯ необходимо учитывать регистр юридического дискурса. Каждый из регистров имеет различный допустимый уровень насыщенности метафорическими высказываниями в отдельно рассматриваемых языках. Перевод юридических текстов рассматривается как языковая деятельность, призванная обеспечить взаимопонимание, объяснение с целью точного, объективного, полного воспроизведения ИТ и, как правило, с сохранением его функций.

К возможным способам передачи метафор на ПЯ относят: эквивалентные соответствия, вариативные соответствия, приемы стилистического преобразования (описательный перевод/ демегафоризацию /неметафорическое объяснение, дословный перевод), трансформацию и кальку. Возможен перевод метафорой с сохранением оригинального метафорического образа, кроме того, выделяют реметафоризацию, создание совершенно нового метафорического образа, замену расширенной метафоры другой стилистической фигурой – сравнением. К стратегии перевода метафоры можно отнести и анализ семантической составляющей метафоры в аспекте пересечения полей образности и семантики описываемого объекта, выявления причины сравнения и определения, является ли заданная область коннотативной или денотативной [2, с. 3].

Принципы лексической сочетаемости в языке перевода обуславливают перевод общепринятых метафор, в этом случае необходим подбор эквивалентных соответствий, например, *die juristische Person* – юридическое лицо,

правовой вакуум – die Lücke bei den Rechtsvorschriften, расторжение контрактов – die Auflösung der Kaufverträgen, электронное правительство – elektronische Regierung (Behördendienste), правовое пространство – der Rechtsraum, гражданское дело – der Zivilfall/ die Zivilrechtssache, бремя доказывания – die Beweisführungslast/ die Beweispflicht, утратить силу – außer Kraft treten, законная сила – die Rechtskräftigkeit/ die Rechtswirkung, закрытое судебное заседание – der Ausschluss der Öffentlichkeit/nichtöffentliche Verhandlung.

Перевод авторских метафор – один из самых трудных аспектов перевода, адаптируемый под носителя ПЯ.

Интересным представляется применение теории концептуальной метафоры в обучении переводу. По мнению Л.В. Кульчицкой, «умение идентифицировать в языке рефлекс концептуальных метафор и группировать их, подводя под единое основание, каковыми являются отдельные концептуальные метафоры, способствует эффективности запоминания не связанных между собой слов и выражений» [6, с. 119]. Перевод концептуальных метафор предполагает обращение к соотношению концептов в различных культурах.

Различия в способах концептуализации действительности и в объемах концептов определяют фореизирующую стратегию с целью бережного воспроизведения особенностей оригинала, по мнению Е.С. Лаврентьевой, «привнося иностранную реалию в язык перевода посредством её калькирования, транслитерации или транскрибирования» [7, с. 63].

Перевод метафоры обусловлен, во-первых, спецификой профессиональной деятельности, такими экстралингвистическими факторами, как социальный, культурный, ситуативный факторы. К стратегиям перевода юридической метафоры можно отнести: знание норм создания текстов юридического дискурса в ИЯ и ПЯ, жанровой специфики специального дискурса, коммуникативного задания автора, социокультурных аспектов межкультурного общения в сфере права, ситуаций общения.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Изд-во ЛКИ. 2007.
2. Геворкян И.А. Расширенная метафора и способы её передачи на русский язык на материале произведений современных британских авторов // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. № 1. Т. 1. 2016. С. 21-27.
3. Даниленко В.П. Ономаσιологическое направление в грамматике. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
4. Константинова М.В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск. 2011.
5. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7. № 1. 2015. С. 61-68.
6. Кульчицкая Л.В. Теория концептуальной метафоры в обучении переводу // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. № 4. 2016. С.118-126.
7. Лаврентьева Е.С. Способы перевода метафорических моделей в поливекторном дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 3. С. 60 – 72.
8. Левитан К.М. Юридический перевод: учебное пособие. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2016.
9. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). М.: ФЛИНТА: Наука, 2018.
10. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. № 1. 1979.С. 91-102.
11. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. № 5 (2). 2010. С. 535 – 540.
12. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: ИНФРА-М. 2012. [Электронный ресурс].
13. Черняевская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2018.
14. Thorsten R. Rechtsprachliche Kommunikation. Eine Typologie//Rechtslinguistik. Studien zu Text und Kommunikation. LIT. Verlag Münster. Hamburg. London. S. 3-29.

Источники примеров

ReversoContext [Электронный ресурс]. URL:
<https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/>

References

1. Baranov, A.N. (2007). *Vvedenie v prikladnuju lingvistiku [Introduction to Applied Linguistics]*. Moscow: Izdatel'stvo LKI (In Russian).
2. Gevorkjan, I. A. (2016). *Rasshirennaja metafora i sposoby ejo peredachi na russkij jazyk na materiale proizvedenij sovremennyh britanskikh avto-rov [Extended Metaphor and Methods of its Translation into the Russian Language based on the Works by Contemporary British Writers]*. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tataishheva [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev]*, 1, Vol. 1, 21-27 (In Russian).
3. Danilenko, V. (2009). *Onomasiologicheskoe napravlenie v grammatike [Onomasiological Aspect in Grammar]*. Moscow: Knizhnyj dom «Librokom» (In Russian).
4. Konstantinova, M.V. (2011) *Specifika juridicheskoi metafory v individual'nom leksikone (jeksperimental'noe issledovanie) [The Legal Metaphor's Specificity in an Individual Lexicon (experimental study)]*. *Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Kursk.* (In Russian).
5. Kosonogova, O.V. (2015). *Harakteristiki juridicheskogo diskursa: grani-cy, sodержanie, parametry [Characteristics of Discourse of Law: boundaries, content, parameters]*. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' [Historical and Social Educational Idea]*. Vol. 7, 1, 61- 68 (In Russian).
6. Kul'chickaja, L.V. (2016). *Teorija konceptual'noj metafory v obuchenii perevodu [Application of the Theory of conceptual Methaphor to Teaching Translation]*. *Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin]*, 4, 118-126 (In Russian).
7. Lavrent'eva, E.S. (2015). *Sposoby perevoda metaforicheskikh modelej v polivektornom diskurse [Translating methaphorical Models in Hybrid Discourse]*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda [The Moscow University Bulletin, Series 22, Translation Theory]*, 3. 60-72 (In Russian).
8. Levitan, K. (2016). *Juridicheskij perevod: uchebnoe posobie [Legal Translation]*. Moscow: JuSTICIJa (In Russian).
9. Neljubin, L. (2018). *Vvedenie v tehniku perevoda (kognitivnyj teoreti-koprugmaticheskij aspekt) [Introduction to Translation Techniques (cognitive-theoretical aspect)]*. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russian).

10. Nikitin, M. (1979). O semantike metafory [On The Semantics of Methaphor]. *Voprosy jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 1, 91-102 (In Russian).

11. Palashevskaja, I.V. (2010) Funkcii juridicheskogo diskursa i dej-stvija ego uchastnikov [Functions of legal Discourse and Action of its Actors]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, Vol. 12, 5 (2), 535 – 540 (In Russian).

12. Cherdancev, A. (2012) *Logiko-jazykovye fenomeny v jurisprudencii: monografija [Logical-linguistics Phenomena in Jurisprudence]*. Moscow: Norma: INFRA-M (In Russian).

13. Chernjavskaja, V. (2018). *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Text Linguistics. Linguistics Discourse]*. Moscow: LENAND (In Russian).

14. Thorsten R., (2018). Rechtssprachliche Kommunikation. Eine Typologie [Legal Communication. A Typology]. *Rechtslinguistik. Studien zu Text und Kommunikation [Legal Linguistics. Studies on Text and Communication]*. LIT. Verlag Münster. Hamburg. London, 3-29.

© Дубровина И.И., Саковец С.А.

ЛИНГВОДИДАКТИКА (LINGUISTIC DIDACTICS)

УДК 378:811.111

ББК 74.5

THE ROLE OF COMMUNICATIVE PEDAGOGICAL SYSTEM IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN A POST-SECONDARY SCHOOL

Tatiana V. Kiryushkina, ORCID 0000-0002-6410-5691, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, tatkir1954@bk.ru.

Vyacheslav N. Denisov, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0016-3999>, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, dslava171@gmail.com.

Abstract. An important task in the field of teaching foreign languages in a post-secondary school is the realization of program goals for achieving professionally oriented results of mastering a foreign language by students, development of their ability to perceive, interpret communicative foreign language texts and successfully participate in various forms of speech interaction. In recent decades, a new paradigm of teaching has formed in Russian pedagogy. This article

presents: (i) the characteristics of communicative teaching; and (ii) the psychological value of the “linguistic characteristics” of this kind of teaching, which include interaction, the “speech situation” and the “speech event”. The pedagogical value of a pedagogical system developed for the acquisition of skills in learning foreign languages, its basic principles, organizational approaches to the implementation of communicative technology in the educational process, and a description of the rules that must be followed to create the most methodically successful learning environment, are revealed.

Keywords: communication, speech interaction, communicative technology, learning, foreign language, motivation, case method, critical thinking method.

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ

Т. В. Кирюшкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Саратовская государственная юридическая академия, tatkir1954@bk.ru.

В. Н. Денисов, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Саратовская государственная юридическая академия, dslava171@gmail.com.

Аннотация. Важной задачей в области преподавания иностранного языка в неязыковом вузе становится задача максимального приближения программных целей и содержания обучения к профессионально ориентированным результатам овладения иностранным языком студентами, их умению воспринимать, интерпретировать коммуникативные иноязычные тексты и успешно участвовать в различных формах речевого взаимодействия. В последние десятилетия в российской педагогике сформировалась новая парадигма обучения, основанная на применении педагогических систем. В статье на основе существующих психолого-педагогических подходов представлена характеристика коммуникативной педагогической системы обучения речевому общению на иностранном языке, представлена психологическая ценность лингвистической характеристики языковой коммуникации, включающей языковое взаимодействие, речевую ситуацию и речевое событие. Рассмотрены педагогическая ценность представленной системы в приобретении умений и навыков при обучении иностранным языкам, ее основные принципы и организационные подходы к осуществлению процесса обучения, представлено описание правил, которые необходимо соблюдать для создания наиболее методически успешных условий обучения.

Ключевые слова: коммуникация, речевое взаимодействие, коммуникативная технология, обучение, иностранный язык, мотивация, кейс-метод, метод критического мышления.

Introduction

In the light of qualitative changes in the values and needs of our society, the role and importance of training intelligent, creatively minded specialists with developed communication skills dramatically increases. An important aspect of this problem is the mastery of speech communication culture to implement official professional communication, which will provide a comfortable involvement of future specialists into professional activities, as well as self-realization of individuals. In the modern world, the communication (and particularly communication in foreign languages) is increasingly important to the activities of many professions” [1 : 21]. N. N. Grishko believes that today a good specialist is one, who competently applies the knowledge he/she obtained at a higher education institution, is able to think in an independent and creative manner, and has the skills of correct communication both in the native and in foreign languages [2 : 3].

Changes in the social conditions are incentives for people to expand their intercultural communication. That is why teaching foreign languages cannot be limited only to the development of foreign language skills and abilities. It should help to develop students’ abilities to adequately express their thoughts and feelings in the process of intercultural communication and, to adapt themselves to culturally specific behaviors. The problem of teaching foreign languages in the Twentieth and Twenty-First Centuries both in secondary and post-secondary schools has always been determined by the necessity of finding cultural aspects of language that must be learned by students [3: 4].

In teaching foreign languages in Russia special attention has recently been given to pedagogical systems of teaching the development of speech skills in vocationally oriented communication for various professional purposes [4, 5, 6, 7]. A pedagogical system is generally viewed as an algorithm of teaching activities and a means of pedagogical tasks’ realization. Each pedagogical system has its own elements, the composition of which depends on the area of teaching and is based on methodological principles. However, each pedagogical system used in a concrete school must be based on uniform approaches to teaching, which are the subject of this article.

Structural components of speech communication

Speech interaction is the basic element of speech communication. Speech interaction is understood as the process of establishing and maintaining purposeful direct or indirect contact between the subjects of language communication – a unity of interdependent and complementary subjects. By means of speech interaction it is possible to make the teaching process more effective, to stimulate speech and thinking activities of students [8 : 119]. Communicative contact presupposes interaction of interlocutors, in which information is transmitted and, thus, their specific goals are realized. Speech interaction is carried out within a sociocultural framework, regulated by role prescriptions, that is, by the prevailing ideas of the individual about the rules of cultural and role-playing activity. Speech interaction involves the following components:

- the addresser;
- the addressee;
- the topic of interaction;
- the speech act;
- means of interaction.

The elementary form of speech interaction is a speech act. The speech act on the part of the addresser is either speaking, or writing [9]. The speech act on the part of the addressee is either listening (perception and understanding of speech acoustic signals), or reading (decoding of graphic signs, i.e. understanding their meanings). Therefore, speech interaction involves both encoding and decoding of information.

In addition to speech interaction, the structural components of speech communication are a speech situation and a speech event.

Speech situation is the context of communication, or the specific circumstances, in which speech interaction occurs. The time and place at which speech communication occurs is of considerable importance for speech communication. The genre of communication is largely determined by the place and the setting of communication (e.g. official or unofficial). The purpose of communication (why something is said in a particular setting) is also extremely important for speech

situations. In general, we can say that the purpose of communication is the result that the addresser and the addressee want to achieve in their communication. Speech situations motivate individual speech actions. The motive is directly connected to the topic of the speech act.

Feedback is the most important structural component of a speech communication situation. In fact, the listener's reaction to the speaker's statement constitutes the cementing moment of communication. The absence of such a reaction results in a failure of communication.

“All social activities, in which language plays an important role, can be referred to as **speech events**” [10], therefore a *speech event* is an integral part of speech communication, representing the unity of speech interaction and speech situation.

Communicative pedagogical system in teaching of foreign languages

The cardinal task of foreign language teaching in a post-secondary school is to match program goals and teaching content to the students' goals of mastering a foreign language. This includes their ability to understand, to interpret foreign language texts and adequately participate in various forms of speech interaction, in each case taking into account cultural aspects of speech communication [11 : 43].

An analysis of modern foreign language teaching shows that it is possible to identify some common elements that underlie each of them. The basic principle of most forms of pedagogy is that of active communication, the basis of which are situations of various kinds. Situations are developed by means of group work by students, although it is necessary to emphasize that situations are also personally oriented. That is why personality of students should be taken into consideration, and a positive psychological atmosphere is required for the most effective implementation of situations. All communication participants should feel comfortable, that is, the process of communication should take place in an atmosphere of mutual understanding and active interaction, in which interlocutors share not only information, but also emotions.

Motivation ensuring the increased interest of students in the learning process is no less important. Motivation is part of the students' subjective world determined by their own ideas, by the needs they perceive. The nature of the activity itself may also affect motivation and incentivize a person. This is the so-called intrinsic motivation [12 : 156]. Communicative motivation is the main type of intrinsic motivation, since communication is a necessity.

It should be also noted that independent student activities play an important role in modern language pedagogy. Therefore, the teacher should not offer ready-made material in class, but motivate students to elicit information from various sources to prepare for communication taking into account its topic.

The main idea of all pedagogical systems is the organization of the speech communication process. Naturally, this does not mean that the learning process is constructed by a teacher as a copy of the communication process. Moreover, there are some parameters in the process of communication which are not necessary to simulate, because there are some aspects of communication that cannot be taught in a classroom setting. For example, the "unsystematic" character of communication – the absence of control and the subconscious way of mastering extralinguistic aspects of speech activity (language pragmatics) allows the participants to bring the process of learning closer to the actual process of communication.

While teaching students professionally oriented communication, it is necessary to develop the following skills, which correspond to different levels of speech interaction development:

- to *express thoughts effectively*, i.e. students have to possess sufficient skills in producing common or professional oral and written speech acts in their native and foreign languages;

- to be fully proficient in the *techniques of speech interaction*, that is, to be able to attract and hold attention, to join speech interaction, transfer the initiative to another interlocutor, etc.;

- to master the *strategies of socially oriented interaction*, i.e. to be able to find ways of resolving problematic situations, to identify and evaluate difficulties, sensitive aspects of contact, or to make decisions, etc.;

- to carry out *speech interaction in intercultural situations*, i.e. to skillfully use the knowledge of speech etiquette, other authentic verbal means of foreign language communication (grammar, speech clichés, etc.) and language pragmatics (gestures, etc.) [13, 14, 15].

Taking these skills into consideration, the development of speech interaction should be carried out in compliance with the following provisions:

1. The priority is not “foreign language teaching”, but “foreign language education”. The purpose of a foreign language education is the person himself, or rather, the formation of a secondary linguistic personality and a cultivated person, the content of education being four aspects of foreign language culture: a cognitive one (knowledge of the language and culture of the speakers), a developmental one (mastery of linguistic abilities), an educational one (respect for foreign culture), and an communicative one (ability to communicate).

2. The educational process should be organized as a model of real communication, and at the same time in such a way that the student could have the opportunity to learn and develop his or her skills and habits and master the culture of the speakers of a foreign language, paying attention at the same time to independent studies.

3. The students should be aware of the personal significance of their participation in the educational process, in mastering culture of the speakers of a foreign language in order to become a professional, an expert in the culture and a person ready to participate in the future dialogue of cultures.

4. Students should be constantly included in the process of solving real communication objectives related to their future professional activities.

5. It is necessary to organize communication in situations understood not as circumstances (in negotiations, at trial, etc.), but as a system of language pragmatics.

6. The material should be organized according to a set of situations based on their communicative value and authenticity.

These provisions were developed by a team of the Foreign Languages Teaching Department of the Lipetsk State Teachers' Training Institute [16, 17].

There is no alternative to communicative pedagogy among the modern concepts of teaching a foreign language and there are a number of reasons for it:

- the communicative approach is to the greatest extent aimed at bringing the learning process closer to the conditions of real, interpersonal language use;
- the communicative approach, focused on the personality of a student, allows teachers to motivate students and develop in students the necessary skills and habits for mastering a foreign language in a relatively short period of time [18 : 1].

Basic principles of communicative pedagogical system

The main principles the communicative pedagogical system:

1. Mastering all aspects of culture of the speakers of a foreign language through communication. Communicativeness means that the way to mastering practical language skills lies in practical use of the language itself.

2. Modeling foreign culture.

3. Management of the learning process on the basis splitting it into certain parts.

4. A systematic approach to the organization of teaching a foreign language.

5. Teaching foreign languages on the basis of interpersonal situations, because communicativeness implies the situational nature of communication. A situational approach to teaching is determined not only by the linguistic aspect, but also by the surrounding (extra-linguistic) conditions. This approach to language is inextricably linked to the study of live speech, which implies the presence of speakers and listeners [19 : 216].

6. Individualization in mastering a foreign language. Communicative training implies taking into account personalities of students, because only in this way the conditions for communication can be created: communicative motivation and purposefulness of speaking is ensured, mutual relations are formed, etc.

7. The development of students' intellectual activities, their skills and habits of independent study ensuring the continuity learning in the future.

8. The principle of functionality determines what methods should be used to teach students lexical, grammatical and non-verbal aspects of speaking. Function-

ality assumes that linguistic and extra-linguistic habits are mastered in the activities. The selection and organization of material based on situations and communication problems that students are interested in is also an important manifestation of functionality.

9. The principle of novelty implies that a regular combination of material, ultimately, determines students' motivation to master productive speaking [20 : 144].

Organization of instruction

The principles described above are the basis of the organization of the teaching and learning processes, which is an important part of pedagogical system. Let us consider some of the *requirements* that must be observed to create a methodologically successful learning environment.

1. Speech interaction must be used as a means of education and development. To this end, the learning process should present a model of real speech interaction, the main parameters of which include motivation, purposefulness, informativeness, novelty, situational approach, functionality, as well as the nature of interaction between communicating persons and the system of language units.

2. All four types of speech activity (reading, speaking, listening and writing) should be interdependent within the educational process.

3. Linguistic and extra-linguistic material should be selected from the standpoint of their general cultural and professional value, taking into account the individual characteristics of students and their professional needs.

4. It is necessary to observe the cyclic thematic organization of the educational process, i.e. educational materials should be divided into topics within which teaching grammar, reading, speaking, listening and writing are undertaken in cycles.

5. Training is based on cooperation, i.e. educational activities are performed in small groups that create the best conditions for active joint activities of students in various situations.

6. It is necessary to use gradually more complicated.

7. Instruction can be carried out on the basis of typical situations, i.e. taking into consideration social statuses in role playing and modelling of relationships between communicants. Typical situations are those in which social life takes place: interaction of colleagues, communication between a supervisor and a subordinate, between a lawyer and a client, etc. Such situations must be repeatedly used with modified variables.

8. Case method is very important in teaching communication, because it allows the analysis of situations. Using it, the students are able to simulate a real life or professional situation, which is not only a practical problem, but also a way to learn while resolving this problem. In this case, the problem itself has no unambiguous solution.

Today the majority of foreign language teachers consider communicative language teaching to be the most effective method, because it reflects all current trends in the development of foreign language teaching:

- increasing the variety of teaching methods, and content, depending on the goals and planned levels of language proficiency, and personalities of students;
- reduction of translation methods;
- strengthening the role of interaction and speech activity of students;
- intensification of the role of interactive teaching methods, taking into account the mentality of students;
- integration of elements of different methods into modern learning and teaching systems.

Conclusion

The transition to a new educational paradigm, developing communication activity and independent thinking of students is an important task of higher education in the course of modernization of the Russian education. As intercultural communication becomes more common, a new priority of educational programs is the need for flexible and socio-culturally appropriate proficiency in professionally oriented communication and an increase of the level of speech interaction.

Pedagogical systems in disciplines have common basis. However, each discipline is specific and requires unique approaches. Thus, a communicative pedagogical system that might be applied in teaching a foreign language must include specific elements that, together with the rules and principles common to other types of teaching, make it unique.

Список литературы

1. *Онкудаева Т.Н.* Культура речевого общения – путь достижения успешного образования студентов экономических специальностей // Инновационная экономика: материалы Междунар. науч. конф. Казань: Бук, 2014. С. 21-23.

2. *Гришко Н.Н.* Лингвистические задачи как средство развития интеллектуально-коммуникативных компетенций студентов юридических вузов (на примере изучения немецкого языка): автореф. дис. ... канд. пед. н. Саратов, 2004.

3. *Хижняк С.П.* Профессиональная коммуникация юристов и национальная культура // Язык науки и профессиональная коммуникация [Language of Science and professional communication]: [Сб. научных статей]. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 3-12.

4. *Метелева Л.А.* К вопросу о взаимосвязи социализации и формирования коммуникативной компетентности студентов в процессе обучения иностранному языку // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 1. С. 49-51

5. *Алещанова И.В.* Профессионально-ориентированный подход в обучении иностранным языкам в техническом вузе // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7959>.

6. *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранному языку: пособие для учителей. М.: АРКТИ-Глосса, 2000.

7. *Образцов П.И.* Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учеб. пособие. Орел: ОГУ, 2005.

8. *Алекберова И.Э.* Речевое взаимодействие на уроке иностранного языка // *Lingua mobilis*. 2012. № 6 (39). С. 119-123

9. *Зарайский А.А.* Национально-культурная специфика спонтанной речи (на материале английских телевизионных дебатов) // Язык науки и профессиональная коммуникация [Language of Science and professional communication] : Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 40-48

10. Безбородова М.А. Мотивация в обучении английскому языку // Молодой ученый. 2009. № 8. С. 156-160.
11. Селевко Г.К. Классификация образовательных технологий // Высшее образование в России. 2006. № 4. С. 87-92.
12. Митина Н.А., Нуржанова Т.Т. Современные педагогические технологии в образовательном процессе высшей школы // Молодой ученый. 2013. №1. С. 345-349.
13. Капитонова Т.Н., Московкин Л.В., Щукин А.Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному. М.: Русский язык, 2008.
14. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989.
15. Пассов Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 2010.
16. Кузьмин С.А. Концепция коммуникативного обучения иностранному языку. [Электронный ресурс]. URL: <https://urok.1sept.ru/статьи/565737/>
17. Ессина И.Ю. Потребность в развитии иноязычной письменной речи для вовлечения в активную фазу научной деятельности // Язык и мир изучаемого языка : сб. науч. ст. [отв. ред.: А. А. Зарайский]. Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. Вып. 9. С. 214-219.
18. Денисов В.Н. Использование педагогических технологий при изучении иностранного языка в неязыковом вузе // Язык и мир изучаемого языка : сб. науч. ст. [отв. ред.: А. А. Зарайский]. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. Вып. 7. С. 143-146.

References

1. Onkudaeva, T.N. (2014). Kul'tura rechevogo obshcheniya – put' dostizheniya uspeshnogo obrazovaniya studentov ekonomicheskikh spetsial'nostey [Culture of Verbal Communication – the Way to Achieve Successful Education of Students of Economic Specialties]. *Innovatsionnaya ekonomika: materialy Mezhdunar. nauch. konf. [Innovative Economy: Proceedings of the International Scientific Conference]*. Kazan': Buk, 21-23 [in Russian].
2. Grishko, N.N. (2004). *Lingvisticheskie zadachi kak sredstvo razvitiya intellektual'no-kommunikativnykh kompetentsiy studentov yuridicheskikh vuzov (na primere izucheniya nemetskogo yazyka): av-toref. dis. ... kand. ped. n. [Linguistic Tasks as a Means of Developing Intellectual and Communicative Competences of Law Students (on the Example of Learning German): author's abstract. Diss. ... candidate of pedagogical sciences]*. Saratov [in Russian].
3. Khizhnyak, S.P. (2019). Professional'naya kommunikatsiya yuristov i natsional'naya kul'tura [Professional Communication of Lawyers and National Culture]. *Yazyk nauki i profes-*

sional'naya kommunikatsiya [Language of Science and Professional Communication]: [Bulletin of scientific articles]. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 3-12 [in Russian].

4. Meteleva, L.A. (2014). K voprosu o vzaimosvyazi sotsializatsii i formirovaniya kommunikativnoy kompetent-nosti studentov v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku [On the Relationship between Socialization and the Formation of Communicative Competence of Students in the Process of Learning a Foreign Language]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology], 1, 49-51.

5. Aleschanova, I.V. (2012). Professional'no-orientirovanny podkhod v obuchenii inostrannym yazykam v tekhnicheskoy vuzovskoy obrazovatel'noy organizatsii [Professionally Oriented Approach in Teaching Foreign Languages in Technical Universities]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 6. Retrieved from <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7959> [in Russian].

6. Galskova, N.D. (2000). *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku: posobie dlya uchiteley* [Modern Methods of Teaching a Foreign Language: a Handbook for Teachers]. Moscow: ARCTI-Glossa [in Russian].

7. Obraztsov, P.I. (2005). *Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku na neyazykovykh fakul'tetakh vuzov: ucheb. Posobie* [Professionally Oriented Foreign Language Teaching at Non-Linguistic Faculties of Universities: Studies. Manual]. Orel: OSU [in Russian].

8. Alekberova, I.E. (2012). Rechevoe vzaimodeystvie na uroke inostrannogo yazyka [Speech Interaction at a Foreign Language Class]. *Lingua mobilis*, 6 (39), 119-123 [in Russian].

9. Zarskiy, A.A. (2019). Natsional'no-kul'turnaya spetsifika spontannoy rechi (na materiale angliyskikh televizionnykh debatov) [National and Cultural Specificity of Spontaneous Speech (on the Material of British Television)]. *Yazyk nauki i professional'naya kommunikatsiya* [Language of science and professional communication]: [Bulletin of Scientific Articles]. Saratov: Publishing house of the Saratov State Law Academy, 40-48 [in Russian].

10. Bezborodova, M.A. (2009). Motivatsiya v obuchenii angliyskomu yazyku [Motivation in Teaching English]. *Molodoy uchenyy* [Young Scholar], 8, 156-160 [in Russian].

11. Selevko, G.K. (2006). Klassifikatsiya obrazovatel'nykh tekhnologiy [Classification of Educational Technologies]. *Higher education in Russia* [Vysshee obrazovanie v Rossii], 4, 87-92 [in Russian].

12. Mitina, N.A., Nurzhanova, T.T. (2013). Sovremennye pedagogicheskie tekhnologii v obrazovatel'nom protsesse vysshey shkoly [Modern Pedagogical Technologies in the Educational Process of Higher School]. *Molodoy uchenyy* [Young Scholar], 1, 345-349 [in Russian].

13. Kapitonova, T.N., Moskovkin, L.V., Shchukin, A.N. (2008). *Metody i tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Methods and Technologies of Teaching Russian as a Foreign Language]*. Moscow: Russkij jazyk, [in Russian].

14. Passov, E.I. (1989). *Osnovy kommunikativnoj metodiki obuchenija inojazychnomu obshheniju [Basics of Communicative Methods of Teaching Foreign Language Communication]*. Moscow: Russkij jazyk [in Russian].

15. Passov, E.I. (2010). *Osnovy kommunikativnoj teorii i tehnologii inojazychnogo obrazovaniya: metodicheskoe posobie dlja prepodavatelej russkogo jazyka kak inostrannogo [Basics of Communicative Theory and Technology of Foreign Language Education: a Handbook for Teachers of Russian as a Foreign Language]*. Moscow: Russkij jazyk [in Russian].

16. Kuzmin. S. A. *Koncepcija kommunikativnogo obuchenija inostrannomu jazyku [The Concept of Communicative Teaching of a Foreign Language]*. Retrieved from <https://urok.1sept.ru/patient/565737> [in Russian].

17. Essina, I. Yu. (2018). Potrebnost' v razvitii inojazychnoj pis'mennoj rechi dlja вовлечения в активную фазу научной деятельности [The Need for the Development of Foreign Language Writing to Engage in the Active Phase of Scientific Activity]. *Jazyk i mir izuchaemogo jazyka : sb. nauch. st. [otv. red.: A. A. Zаражский]. [Language and World of the Language Studied. A. A. Zаражский (ed.)]*. Saratov: Saratov socio-economic Institute (branch) of PRUE. G. V. Plekhanova, 9, 214-219 [in Russian].

18. Denisov, V. N. (2016). Ispol'zovanie pedagogicheskikh tehnologij pri izuchenii inostrannogo jazyka v nejazykovom vuze [The Use of Pedagogical Technologies in Teaching Foreign Languages in a Non-Linguistic University *Jazyk i mir izuchaemogo jazyka : sb. nauch. st. [otv. red.: A. A. Zаражский]. [Language and World of the Language Studied. A. A. Zаражский (ed.)]*. Saratov: Saratov socio-economic Institute (branch) of PRUE. G. V. Plekhanova, 7 [in Russian].

© Кирюшкина Т.В., Денисов В.Н.

УДК 81-11

ББК 74

THE REALITY OF BILINGUALISM

Irfan Tosuncuoglu, 000-0002-0213-3574, PhD (ELT), Associate Professor, Department of Western languages and literatures, English language and literature division, Faculty of letters, Karabük university, Karabük Üniversitesi Demir Çelik Kampüsü, Kılavuzlar Köyü, 78050, Karabük Turkey, irtosun@yahoo.com.

Anastasia L. Ignatkina, <https://orcid.org/0000-0002-6998-3602> Candidate of philological sciences, Associate Professor in the English language department; FSBEI of HE “Saratov State Law Academy”, Volskaya, 1, Saratov, Russia; anastasiaignatkina777@gmail.com.

Abstract. Language is a tool for communication, and knowledge of languages connects people in the global community and helps them to overcome differences between various cultures. Language plays a significant role in the development of various types of relationships: it is the most important attribute of social contact and contributes to the development, expansion, and change of the entire spectrum of social relations. People become bilingual / multilingual for various reasons, such as migration, socio-economic situation, etc. Bilingualism is the ability of a person to use two languages effectively and fluently. As we know, bilingualism is a feature of multilingual communities. Bilingualism is relevant for different countries, where it finds various manifestations and solutions. Social and academic mobility have led to many states to introduce policies for bilingual education. The study examines the phenomenon of bilingualism in different countries and related issues in the context of globalization and language didactics.

Keywords: culture, language, bilingualism, advantages, disadvantages.

О ФЕНОМЕНЕ ДВУЯЗЫЧИЯ

Ирфан Тосункуоглу, доцент кафедры Западных языков и литературы, подразделение английского языка и литературы Филологического факультета Турецкого государственного университета Карабюк, irtosun@yahoo.com.

А.Л. Игнаткина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1; anastasiaignatkina777@gmail.com.

Аннотация. Любой язык - это инструмент общения, а знание языков тесно связывает людей в мировом сообществе и помогает преодолевать различия между культурами. Язык играет важную роль в развитии самых разных видов отношений: он является важ-

нейшим атрибутом социальных контактов и способствует развитию, расширению, изменению всего спектра общественных отношений. Люди становятся двуязычными по разным причинам, таким как миграция, социально-экономическая ситуация и т.д. Двуязычие - это способность человека эффективно, альтернативно и свободно пользоваться двумя языками. Как известно, двуязычие – это особенность мультикультурных сообществ. Проблема двуязычия сегодня актуальна для разных стран, где она находит разные проявления и пути решения. Социальная и академическая мобильность привела к тому, что многие государства ввели политику двуязычного образования. В исследовании рассматривается феномен билингвизма в разных странах и связанные с ним вопросы в контексте глобализации и лингводидактики.

Ключевые слова: культура, язык, двуязычие, преимущества, недостатки.

Introduction

Bilingualism resulting from the combination of linguistic diversity with interaction among different human groups is an integral part of human history. The underpinning of the discussion related to bilingualism has always been the social significance of the language. Indeed, language represents our social identity fundamentally and plays a major role in both the evolution of society as a whole and the development of people as individuals. As a Turkish proverb states, “One language [equals] one man; two languages [equal] two men [and so on].” This means that people who know more than one language are positively enabled in many respects.

As a token of integration of different countries and peoples, bilingualism has been known as natural characteristic of humanity since ancient times; as a linguistic phenomenon it appeared relatively recently. Just a century ago, European society identified itself as monolingual, where each European language was associated with only one ethnic group (according to the principle of “one language - one ethnic group”). At the same time, bilingualism was perceived as a deviation from the generally accepted norm, and was contrary to the stability of the language systems that were in contact [10]. Such approach to bilingualism might be the reason why, for almost the entire Twentieth Century, studies of language contacts were conducted within the framework of a monolingual paradigm. It was at the turn of the Twenty-first Century when linguistic research manifested interest in the phenomenon of bilingualism.

Bilingualism or Multilingualism?

The term “bilingualism” has various descriptions among scholars. Defining bilingualism is problematic because individuals with varying bilingual characteristics may be classified as bilingual. Accordingly, definitions of bilingualism range from a minimal proficiency in two languages, to an advanced level of proficiency which allows the speaker to function as a native-like speaker of two languages. In contemporary scholarship on bilingualism it is commonly defined as the conscious and active use of (at least) two languages [5].

With the spread of migration across the globe the term “multilingualism” came into use along with the term “bilingualism” [8; 9]. For example, in the UNESCO policy documents both terms are used, which means that UNESCO takes the same position about the value of both kinds of language use: “UNESCO promotes mother tongue instruction in the context of bilingual education (BE)/multilingual education (MLE) from the earliest years of schooling” [7: 2].

The most commonly accepted definition of a multilingual person today is the following: “a multilingual individual is the one who can maintain communication in more than one language” [14: 4]. Importantly, a multilingual person cannot be considered as a person in whom two or three first languages are summed up; each individual is a carrier of their own personal multicompetent knowledge, which cannot be measured in terms of monolingual standards [10].

Since the term “bilingualism” can be seen as referring to learning and using more than a single language some scholars argue for using it as a generic term for multilingual language education [4]. However, to avoid ambiguity, a distinction between bilingualism as referring to just two languages and multilingualism as referring to more than two languages should be drawn.

The Reality of Bilingualism in Selected Countries

In the contemporary world, a great number of the people are bilingual. The best examples of the countries with bilingualism are Great Britain, New Zealand, Switzerland, Republic of South Africa, Canada, India, to name a few [1].

Researchers identify the following forms of national (social) bilingualism:

- bilingualism, where two or more languages are state languages due to historical processes (Canada, Switzerland, Belgium, Belarus);

- bilingualism, where one state language and several local languages coexist; in this case, either only one language (state) or two languages (state and local) can be used (Russia, Great Britain, Spain, Kenya);

- immigrant bilingualism, where migrants feel the need to learn a language the language/languages of the new state for practical reasons (most Western European countries, Turkey) [10].

In the last decades, immigration has become a serious issue for many countries, Turkey being one of them. This country has long been a land of immigration and asylum. From 1923 to 1997, more than 1.6 million people immigrated to Turkey, mostly from Balkan countries. During the Cold War, thousands of asylum seekers fled to Turkey from communist states in Eastern Europe and the Soviet Union. In the late 1980s, this pattern began to change as increasing numbers of asylum seekers began to arrive from Iran and Iraq, as well as other developing nations. Turkey also experienced a mass influx of almost half a million mostly Kurdish refugees from Iraq in 1988 and 1991, as well as mass influxes of Albanians, Bosnian Muslims, Pomaks (Bulgarian-speaking Muslims), and Turks in 1989, 1992-1995, and 1999 [13]. Currently, more than 4 million Syrian immigrants live in Turkey. Many Syrian children may become natural bilinguals in Turkish and in their mother tongue, with the prospect of learning one or more additional languages in the future. This form of public bilingualism is characterized by two opposite situations: additive bilingualism and subtractive bilingualism [4]. In the first case, the second and subsequent languages are learned together with further mastering of the first (title) language of the individual, without hindering its development. In the second case, each subsequent language replaces the previous one. This latter situation is typical for children from immigrant families who master the official language of their country of residence at the expense of the development of their native language.

The collapse of the Soviet Union and the gain in autonomy of former subnational republics resulted in the political course towards equal development of all peoples comprising former union. Article 68, paragraph 2 of the Constitution of the Russian Federation states: “Republics have the right to establish their own languages. These languages can be used by the governmental bodies, local authorities, and state institutions of the republics along with the national language of the Russian Federation”. By adopting the law “On Languages of the Peoples of Rus-

sia” and corresponding laws in each republic, the status of the republics’ languages has changed.

In the Russian Federation, bilingualism is common in the republics of Altai, Bashkortostan, Tatarstan, Chuvashia, the Republic of Sakha (Yakutia), the republics of the North Caucasus, and Buryatia. In Russia, like any multi-ethnic state with a bilingual population, the language situation may be depicted by a hierarchy represented as an inverted pyramid having three layers. The upper layer consists of monolingual native speakers of the state language — the speakers of the Russian language in the USSR and in modern Russia (here we disregard the possible knowledge of foreign languages). The middle layer is made up of bilingual citizens. At the bottom are monolingual speakers of non-dominant languages (or bilingual speakers who do not speak the state language). In some countries (India, a number of African countries), the top layer is missing, and bilingual people are at the top. This hierarchy correlates with the social hierarchy in one respect: the lower layer of the language hierarchy also has a low social status. These are either people who are employed in agriculture or in the household, or unassimilated immigrants [10: 16].

At the same time, social and educational mobility has led to a significant shift towards direct communication, both between institutions and individuals. Learning foreign languages is becoming more and more widespread around the globe because of occupational, educational, economic, political, social, cultural, and migration-related factors. In this respect, many countries have adopted strategies designed to put bilingual education at the forefront. In Kazakhstan, for example, English and other foreign languages, in addition to Russian and Kazakh, have become in high demand. The National Education and Science Development Programme (2016-2019) mirrored this key trend in the development of trilingual education and provided a roadmap for trilingual education from the years of 2015 to 2019. The main objective of this programme was to include trilingualism in all levels of education in Kazakhstan. In this regard, the Ministry of National Education has introduced some common strategies for prospective trilingual teachers [8].

Negative and Positive Effects of Bilingualism on Language Learning

Bilingualism has a mixed effect on the process of learning a foreign language.

On the one hand, there are investigations highlighting a multiplicity of strengths of bilingualism pertaining to language learning. Within the context of childhood bilingualism, Bialystok (2017) asserts that bilingualism is an important factor affecting the course of children's early development. Early bilingualism encourages a child to learn a third language, contributing to the development of their metalinguistic interests. Children become very attentive to their own and other people's speech, they understand the communicative situation and are open to corrections and comments [3].

According to Barac & Bialystok (2012), bilingual education has advantages both for speakers of non-dominant languages, and for English monolinguals. The results of the survey conducted among 104 six-year-old children belonging to 4 groups (English monolinguals, Chinese-English bilinguals, French-English bilinguals, Spanish-English bilinguals) aimed to examine the generality of the bilingual effects on development have shown that all bilingual groups exceeded monolinguals [2]. The learners in bilingual education are reported to be more efficient at processing and relaying information [12; 15]. Peachy (2016) assumes that American model of instruction where instruction is given in both the mother tongue and the national language should be evaluated for suitability and applicability in Turkey [11].

Among the common benefits of bilingualism for language learning acknowledged by UNESCO are the following:

- when used at home and/or at school, it promotes literacy in the mother tongue (L1) and later in the second language (L2);
- it facilitates learning both of academic subjects as well as the second language (L2);
- it improves learning outcomes as it promotes dialogue and interaction between learners and teachers by means of better communication and understanding;
- it raises the quality of education by emphasizing understanding and creativity rather than repetitive memorization [7].

Despite the benefits of bilingual/multilingual education, negative impacts exist as well. For example, in childhood bilingualism, more often than not, children are taught in a language that they have not mastered [7]. In higher education, the study of a foreign language by bilingual students has its own specific issues [6]: three (or more) language systems come into interaction, each of them having its own structure; therefore, disadvantages of bilingualism can be seen in decision-making, speaking, writing and thinking. As is argued by Mosin et. al. (2017), bilingualism may have a negative impact on an individual's vocabulary capacity because the use of one language is less frequent than the use of the other(s). Moreover, bilingual students may have some disadvantages in vocabulary in each language, resulting in mixing-up words, grammar rules, etc. Finally, there is a possibility of losing of one of the languages or the underdevelopment of both languages [6].

Nevertheless, it is unrealistic and impractical to advocate against the benefits of bilingualism for language learning. The overall advantages for cognitive skills and metacognitive interests of the learner and the potential social and linguistic benefits of bilingualism outweigh any disadvantages connected with this phenomenon. Bilingual people definitely have more advantages in finding jobs, meeting new people and adapting new cultures.

Conclusion

In an age of rapid globalization, the number of bilingual people is increasing. Bilingualism is considered a major tool for understanding the world.

Currently, bilingualism is defined in a completely different way than before. It has a multi-component, flexible definition: it does not mean the ability to speak two languages equally fluently. It means being connected to the linguistic and cultural systems of both languages.

Whilst learning foreign languages is becoming more and more widespread around the world, the issue of bilingual education is becoming very relevant for many countries. It is especially true in the area of higher education, since academic and social mobility have increased. In response to new needs, many countries have adopted strategies to prioritize bilingual education. Though bilingualism has both negative and positive effects on language development (the possible existence of any effects on cognitive skills, linguistic capabilities, functions of brain, etc. is controversial), it can be considered to be an advantage in individual's life

and its benefits outnumber the disadvantages. To this end, this topic is becoming popular and needs to be investigated in future studies in details.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: «Одноязычная» и «Двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. 2013. №2 (12). [Электронный ресурс]/ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sovremennom-mire-odnoyazychnaya-i-dvuyazychnaya-praktiki-i-problema-yazykovoy-assimilyatsii>.

2. Barac, R., & Bialystok, E. (2012). Bilingual Effects on Cognitive and Linguistic Development: Role of Language, Cultural Background, and Education. *Child Development*, 83(2), 413-422.

3. Bialystok, E. (2017). Second-Language Acquisition and Bilingualism at an Early Age and the Impact on Early Cognitive Development. *Encyclopedia on Early Childhood Development*. Retrieved from <http://www.child-encyclopedia.com/second-language/according-experts/second-language-acquisition-and-bilingualism-early-age-and-impact>.

4. Cenoz J. (2013). Defining Multilingualism. *Annual Review of Applied Linguistics*. Vol. 33. Cambridge: Cambridge University Press, 3-18.

5. Massa, E., Köpke, B., Yagoubi, R. E. (2020). Age-related effect on language control and executive control in bilingual and monolingual speakers: Behavioral and electrophysiological evidence. *Neuropsychologia*, V. 138, 102264. Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2020.107336>. (<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0028393220300063>)

6. Мосин М. В., Водясова Л. П., Мосина Н. М., Чинаева Н. В. Дидактический потенциал билингвизма в обучении иностранному языку // ИТС. 2017. №4 (89). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskiy-potentsial-bilingvizma-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 29.04.2020).

7. Multilingual education: Why is it important? How to implement it? *UNESDOC*. Retrieved from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000226554>

8. Nabi, Y., Zhaxylykova, N. E., Kenbaeva, G. K., Tolbayev, A., & Bekbaeva, Z. N. (2016). Education Quality in Kazakhstan in the Context of Competence-Based Approach. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(10), 3423-3435. Retrieved from <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1114671.pdf>

9. Ospanova, B. R., Azimbayeva, Z. A., Timokhina, T. V., Seydakhmetova, Z. K. (2016). Theoretical-and-Methodological Substantiation of Multilingual Model Activity in Kazakhstan Higher School Education System. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(10), 3450-3466.

10. Остапенко Т. С. Мультилингвизм: проблемы определения и основные направления исследований в современной лингвистике // Российский гуманитарный журнал. 2018. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multilingvizm-problemy-opredeleniya-i-osnovnyye-napravleniya-issledovaniy-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 29.04.2020).

11. Peachy, W.S. (2016). The Problematic Interaction between the Mother Tongues, the National Language and Foreign Language Instruction in Turkish Education. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 232 , 479 – 485.

12. Pliatsikas, C. (2015). Keeping actively bilingual makes our brains more efficient at relaying information. *The Conversation*. Retrieved from <http://theconversation.com/keeping-actively-bilingual-makes-our-brains-more-efficient-at-relaying-information>

13. Turkey: A Transformation from Emigration to Immigration. Retrieved from <https://www.migrationpolicy.org/article/turkey-transformation-emigration-immigration>

14. Wei L. (2008). Research perspectives on bilingualism and multilingualism. *The Blackwell handbook of research methods on bilingualism and multilingualism*. Oxford, 2008. Pp. 3-17.

15. Yang, J., Gates, K.M., Molenaar, P., & Li, P. (2015). Neural changes underlying successful second language word learning: An fMRI study. *Journal of Neurolinguistics*, 33, 29-49.

References

1. Alpatov, V. M. (2013). YAzykovaya politika v sovremennom mire: «Odnoyazychnaya» i «Dvuyazychnaya» praktiki i problema yazykovoj assimilyacii [Language policy in contemporary world: “Monolingual” and “Bilingual” practice and the problem of language assimilation] // Sravnitel'naya politika [Comparative politics], №2 (12). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sovremennom-mire-odnoyazychnaya-i-dvuyazychnaya-praktiki-i-problema-yazykovoy-assimilyatsii> [In Russian].

2. Barac, R., & Bialystok, E. (2012). Bilingual Effects on Cognitive and Linguistic Development: Role of Language, Cultural Background, and Education. *Child Development*, 83(2), 413-422.

3. Bialystok, E. (2017). Second-Language Acquisition and Bilingualism at an Early Age and the Impact on Early Cognitive Development. *Encyclopedia on Early Childhood Development*. Retrieved from <http://www.child-encyclopedia.com/second-language/according-experts/second-language-acquisition-and-bilingualism-early-age-and-impact>.

4. Cenoz J. (2013). Defining Multilingualism. *Annual Review of Applied Linguistics*. Vol. 33. Cambridge: Cambridge University Press, 3-18.

5. Massa, E., Köpke, B., Yagoubi, R. E. (2020). Age-related effect on language control and executive control in bilingual and monolingual speakers: Behavioral and electrophysiological evidence. *Neuropsychologia*, V. 138, 102264. Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2020.107336>. (<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0028393220300063>).

6. Mosin, M. V., Vodyasova L. P., Mosina N. M., CHinaeva N. V. (2017). Didakticheskij potencial bilingvizma v obuchenii inostrannomu yazyku [Bilingualism's Didactic Potential in Teaching a Foreign Language] // ITS [ITS], №4 (89). (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskij-potentsial-bilingvizma-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> [In Russian].

7. Multilingual education: Why is it important? How to implement it? *UNESDOC*. Retrieved from <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000226554>.

8. Nabi, Y., Zhaxylykova, N.E., Kenbaeva, G.K., Tolbayev, A., & Bekbaeva, Z.N. (2016). Education Quality in Kazakhstan in the Context of Competence-Based Approach. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(10), 3423-3435. Retrieved from <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1114671.pdf>.

9. Ospanova, B.R., Azimbayeva, Z.A., Timokhina, T.V., & Seydakhmetova, Z.K. (2016). Theoretical-and-Methodological Substantiation of Multilingual Model Activity in Kazakhstan Higher School Education System. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(10), 3450-3466.

10. Ostapenko T. S. (2018). Mul'tilingvizm: problemy opredeleniya i osnovnye napravleniya issledovanij v sovremennoj lingvistike [Multilingualism: the problem of definition and the main trends in contemporary linguistics] // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal [Russian Liberal Arts Journal], №3. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/multilingvizm-problemy-opredeleniya-i-osnovnye-napravleniya-issledovaniy-v-sovremennoj-lingvistike> (дата обращения: 20.04.2020) [In Russian].

11. Peachy, W.S. (2016). The Problematic Interaction between the Mother Tongues, the National Language and Foreign Language Instruction in Turkish Education. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 232, 479 – 485.

12. Pliatsikas, C. (2015). Keeping actively bilingual makes our brains more efficient at relaying information. *The Conversation*. Retrieved from <http://theconversation.com/keeping-actively-bilingual-makes-our-brains-more-efficient-at-relaying-information>

13. Turkey: A Transformation from Emigration to Immigration. Retrieved from <https://www.migrationpolicy.org/article/turkey-transformation-emigration-immigration>

14. Wei L. (2008). Research perspectives on bilingualism and multilingualism. *The Blackwell handbook of research methods on bilingualism and multilingualism*. Oxford, 2008. Pp. 3-17.

15. Yang, J., Gates, K.M., Molenaar, P., & Li, P. (2015). Neural changes underlying successful second language word learning: An fMRI study. *Journal of Neurolinguistics*, 33, 29-49.

О ЖУРНАЛЕ

Журнал «Язык науки и профессиональная коммуникация» («Language of Science and Professional Communication») издается Редакцией журнала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». Устав академии предусматривает в числе других издательскую деятельность. Редакция проводит полную редакционную обработку статей, а также размещение их электронных копий в различных базах данных. Печать журнала производит типография Издательства федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Журнал имеет своей *целью* информирование научного сообщества о современном состоянии и развитии подязыков науки, а также проблем преподавания языковых дисциплин обучающимся вузов.

В журнале публикуются статьи на русском и английском языках в соответствии с *двумя рубриками*:

1. Лингвистика.
2. Лингводидактика.

Тематика статей должна быть связана с различными аспектами профессиональной коммуникации в разноструктурных языках:

Статьи, опубликованные в журнале «Язык науки и профессиональная коммуникация» («Language of Science and Professional Communication»), *индексируются* в национальной библиографической базе данных научного цитирования «Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)».

Электронные копии статей размещаются на сайте журнала <http://xn--80af5bzc.xn--p1ai/ru/yazyknauki>.

Печатный журнал распространяется по подписке через каталог Агентства «Роспечать». Подписной индекс: 88740.

Адрес редакции: 410056, Саратов, ул. Вольская, 1, офис 618.

Телефон: 8(8452)-29-90-47.

E-mail: az1961@mail.ru

ЯЗЫК НАУКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

LANGUAGE OF SCIENCE AND PROFESSIONAL COMMUNICATION

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (2) 2020

Редактор, корректор – *Е.А. Елина*
Компьютерная верстка – *С.П. Нечитайло*

Сдано в набор 15.04.2020. Подписано в печать 14.05.2020. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 500 экз. Заказ № 120.

Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.